

*Фамилия Олигер редкая для Руси. Из старинных текстов явствует, что обладатели этой фамилии были знатными людьми из русского Муромского дворянства, в XV-XVI веках они имели власть и соответствующие привилегии. В период правления Ивана Грозного эта фамилия была внесена в особый список знатных фамилий, которые даровались лишь в случае государственной похвалы. Сегодня Олигер – фамилия, хорошо известная в Чувашии. Основу этой известности заложил **Иван Михайлович Олигер**, слава о котором в своё время распространилась далеко за пределы региона. Это был знаменитый учёный зоолог и энтомолог, писатель, автор учебных пособий, преподаватель, создатель зоологической школы. Ивана Михайловича совершенно справедливо считают старейшим учёным Чувашии и патриархом всех биологов Поволжья.*

Евгений Богданов

ФЁДОР ДМИТРИЕВИЧ ШАПОШНИКОВ

(1909-1973)

И.М. Олигер

Федор Дмитриевич Шапошников родился в Нижнем Новгороде в 1909 году. Семья Шапошниковых состояла из шести человек: отец, Дмитрий Гаврилович Шапошников, был санитарным врачом, мать, Лидия Федоровна Шапошникова, медицинская сестра, и дети: старший сын Георгий (в семье его звали Зорькой) второй сын Евгений (Жека), дочь Ольга (Ляка) и младший сын Федор (Фека). Семья занимала второй этаж (4 комнаты) двухэтажного деревянного дома на Звездинке. Дмитрий Гаврилович любил столярничать и в квартире была оборудована небольшая столярная мастерская Фека тоже любил столярничать и вообще рукодельничать. Все трое мальчиков также очень любили рыбалку и охоту. Старший сын, Зорька, послужил прообразом одного из героев известной повести А. Н. Формозова «Шесть дней в лесах». Впоследствии он окончил Лесотехническую академию в Ленинграде и работал инженером в авиационной промышленности. Второй сын, Жека, окончил лесной техникум в городе Ветлуге Нижегородской области, работал лесничим и погиб на фронте в 1941 году.

Я познакомился с Фекой в начале 20-х годов. Его мать, Лидия Федоровна, работала медсестрой у моего дяди, Константина Федоровича Богуша и Шапошниковы иногда, на праздники, бывали у Константина Федоровича. И однажды, кажется на Рождество, Лидия Федоровна пришла к Богушам с Фекой и мы познакомились и стали встречаться. Встречи эти, однако, были довольно редкими – у каждого из нас была уже своя компания. Но иногда, отправляясь на охоту за галками и грачами (в 22-23 гг. их использовали в качестве объектов питания) он заходил за мной и даже давал иной раз выстрелить из своей берданки. Позже, после 1925 года, когда у меня появилось собственное ружье, мы иногда ходили вместе на вальдшнепиную тягу, или тро-

пили зайцев. Тогда же он познакомил меня с заведующим Нижегородским естественноисторическим музеем Николаем Александровичем Покровским и таким образом я стал, также как и Фека, постоянным посетителем музея – одним из штатных сотрудников музея, «ребятишек» Покровского.

Однажды в начале зимы мы отправились с ним в Заволжье на охоту за пушными зверями., взяв с собой его собаку – лайку Забавку. Выйдя из деревни, где ночевали, на рассвете, мы вскоре в близлежащем сосновом лесу, благодаря прекрасно работавшей Забавке, добыли 7 белок. Но к полудню белки перестали попадаться – видимо, наелись и залегли в свои гнезда. Тогда мы свернули в пойму протекавшей здесь небольшой речки Везломки и пошли вдоль нее. Но идти здесь было трудно и неприятно: под снегом, который был по щиколотку, была вода. Мокрый снег налипал на подошвы, идти было очень тяжело и вскоре я стал намекать, что не лучше ли обратиться на сухое место, все равно здесь ничего нет, но Фека упрямо шел вперед. Так прошли мы километра три и я уж совсем заскучал, как вдруг бежавшая впереди Забавка засуетилась, метнулась туда-сюда и наконец с лаем кинулась к стогу сена. Мы побежали в ней. Собака яростно лаяла, пыталась подлезть под стог и грызла концы веток, торчавших из под стога. Цепочка следов шла от реки под стог. Норка!

Попытки Забавки пролезть под стог были безуспешны. Как же выгнать оттуда норку? Мы срубили тонкую березку, очистили ее от ветвей и стали тыкать этим шестом под стог. Делали мы это со стороны реки, с тем чтобы выпугнуть норку на противоположную сторону, где была открытая луговина и до леса было метров пятьдесят. Но норка тоже была не душой и продолжала прятаться где-то под стогом. Что же делать? Придется пробовать выгнать ее с другой стороны, но тогда, но тогда она может успеть скрыться в реке, до которой было всего 7-9 метров. Придется рискнуть!

И Фека отошел на несколько шагов в сторону, взяв ружье на изготовку, а мы с Забавкой стали орудовать со стороны леса. И вскоре наши попытки увенчались успехом: норка выскочила из под стога и кинулась к реке. Фека выстрелил тогда, когда она уже делала свой последний прыжок в воду. Норка оказалась убитой, осталась на поверхности воды. Забавка стремглав кинулась в воду и схватила норку, однако, не повернула обратно, а продолжала плыть по инерции вперед, выплыла с норкой на другой берег, где и улеглась со своей добычей. Что же делать? Просить Забавку, чтобы принесла к нам норку бесполезно – лайки не приучены подавать добычу. Везломка речка хоть и не очень широкая, всего несколько метров, но глубокая и лезть в нее совсем не хотелось. Пришлось срубить в лесу два длинных дерева, перебросить их через речку и Фека по этому шаткому, прогибающемуся под его тяжестью мостику, перебрался на тот берег и взял у Забавки норку.

К этому времени уже свечерело и мы со своей добычей отправились на ночлег в деревню.

На ночлеге мы стали снимать шкурки с добытых зверьков. При этом я заметил Феке что его большой нож неудобен для такой работы.

- Это пустяки, - сказал Фека. - А с белок-то можно снять шкурку и без ножа.

- Как это? Это невозможно!

- Давай поспорим, что я сниму с белки шкурку без ножа и вообще без всякого инструмента.

- Давай!

И Фека взял белку и... отодрал у нее зубами и ногтями губы от десен и через образовавшееся отверстие вытащил голову, а затем снял всю шкурку чулком, оторвав лапки, но хвост вытащил полностью, как положено. И я был вынужден признать свое поражение.

Году в 1928-м или 29-м мы с Фекой решили совершить на первомайские праздники далекий поход к реке Керженец (впадает в Волгу возле Макарьева), в Юсуповскую лесную дачу. Эта дача – бывшее владение княгини З. Н. Юсуповой, представляла из себя большой лесной массив около 4 000 га. Поскольку до ближайшей деревни ль нее было около 30 км та сохранились хорошие глухаринные и тетеревиные тока и мы решили сходить туда поохотиться. Однако,, перед самым отправлением мы узнали, что весенняя охота в том году была запрещена. Значит, поход наш, о котором мы мечтали всю зиму, невозможен? Но мы настолько прониклись уже идеей похода, что решили все же пойти, только вместо ружей взять фотоаппараты. И отправились.

Рано утром переправились через Волгу к селу (теперь город) Бор и зашагали по полям и перелескам к деревне Шехонке - это составило около 20 км. За Шехонкой еще 5 километров полей и мы подошли к так называемому Большому лесу - сплошному лесному массиву, где никаких деревень уже не было. До намеченного места оставалось еще примерно столько же. Сделали привал

- развели костерок и выпили чайку – и зашагали дальше. Вскоре во многих местах, в низинах, дорога оказалась затопленной, приходилось идти по колена в воде, так что к месту ночлега мы подошли только к вечеру. Здесь нас ждала знакомая мне по прошлым походам зимница – зимнее жилище лесорубов.

Поскольку теперь эти замечательные сооружения – зимницы – нигде больше не встречаются приведу здесь их краткое описание.

Зимница представляла из себя неглубокую, 30-49 см прямоугольную яму, около 2,5 м шириной и 5 м длиной. На края ямы поставлен сруб из 4-5 рядов нетолстых, около 12 см в диаметре стволов, сверху прикрытый двускатной крышей из таких же стволов. Крыша сверху и на некоторую высоту бока сруба засыпаны землей. Все сооружение обычно бывало устроено на склоне, врезаясь в него, так, что задний конец конька крыши возвышался над поверхностью почвы всего на 40-50 см. В передней стенке вход внутрь закрывала двустворчатая дверь.

Внутри в центре располагался земляной стол около 75 см шириной и около 120-130 см длиной. Этот стол служил очагом – на нем раскладывался костер, над которым подвешивались на проволоках прикрепленных к верхней балке крыши чайники и котелки. Вокруг стола шел ров, глубиной и шириной около 40 см, отделявший его от расположенных по бокам и в задней части посещения нар. Боковые нары узкие, на них мог поместиться боком к огню один человек, а на задних нарах ногами к огню

свободно могли лежать 4 человека. Наверху в разных местах в стенах были вбиты колышки, на которых развешивались для просушки одежда и обувь.

Когда на очаге зажигался огонь, то первое время дым заполнял все помещение, но, как только устанавливалась тяга, дым выходил через волоковое оконце в задней стенке под крышей. Величина этого оконца регулировалась прикрывавшим его снаружи отдельным обрубком. После того, как устанавливалась тяга, весь дым собирался плотным, слегка колеблющимся покрывалом под крышей, так, что нижняя его поверхность располагалась на уровне волокового оконца. Таким образом, можно было свободно сидеть на нарах опустив ноги в ров, окружавший стол с очагом; голова при этом располагалась немного ниже уровня дыма.

«Климат» в зимнице был сухой и теплый и давал возможность хорошо отдохнуть после работы.

Устраивались они в те времена там, где лесосеки располагались далеко от деревень. В настоящее время, в связи с наличием автомобильного транспорта, позволяющего быстро доставить людей в месту работы и отвезти вечером обратно, необходимость в зимницах отпала.

Переночевав, мы отправились на поимки глухариных токов. Однако, найти их нам не удалось, хотя мы и «прочесали» всю Юсуповскую дачу, вплоть до Керженца. Кстати о том, что мы находились именно в Юсуповской даче свидетельствовал стоявший на развилке дорог столб со щитом наверху, с надписью «Лесная дача кн. Юсуповой Сумароковой-Эльстон». Ниже этой надписи были две стрелки, направленные в разные стороны, с надписями «На Яры» и «На Хмелевую.».

Вечером, определив расположение тетеревиного тока, поставили на нем шалаш, в который и забрались утром еще затемно. На току играли 7 тетеревов. Однако, сделать хорошие снимки нам не удалось, так как сначала было слишком темно а когда вошло солнце, то оказалось, что мы неудачно расположили шалаш — снимать приходилось как раз против солнца. Таким образом, мы лишь полюбовались азартно игравшими тетеревами.

Возвращаясь с тока, мы решили заглянуть на соседнее осоковое болото — над ним токовал, планируя громким заунывным криком «Тюр-люр-люр-люр ...» большой кроншнеп и мы решили попробовать снять его. Но, не дойдя еще до болота, в высоком сосновом редколесье увидели вдруг метрах в ста идущего к нам навстречу журавля. Мы сразу опустились на колени и приготовили аппараты. Но снимать его на таком расстоянии было бесполезно, так как у нас не было телеобъективов. Но журавль приближался и мы совсем залегли, следя за ним сквозь редкие кустики сухой травы. Не дойдя до нас метров тридцать журавль изменил направление движения вбок от нас. Мы лежали не шевелясь, следя за ним боковым зрением. А он все так же неспешно шагал и ... вот, его уже и не видно. Мы лежим, все так же не шевелясь. Поднять голову — сразу заметит и улетит. Где же он? Напряженно ждем что будет. И вдруг Фека шепчет мне чуть слышно: «Вот, подойдет сейчас, да и долбанет нам по затылку!». И мы мелко затряслись от одолевшего нас внутреннего смеха, и, когда, казалось, что выдержать это больше уже нет возможности и мы сейчас расхохочемся

вслух, мы вдруг увидели, журавля метрах в тридцати - он шагал так же не спеша, но уже удалялся от нас. Мы встали на колени и вскинули фотоаппараты. Журавль тотчас заметил нас и запрыгал огромными прыжками, взлетая. Затворы нагих аппаратов щелкнули и журавль взлетел и скрылся. Мы остались довольны – хорошее было приключение. Вот, только – вышли ли снимки? Дома, когда отпечатали, увидели, что журавль оказался в поле зрения, но смазан – скорости затворов не хватило. Все же, при взгляде на них, сразу всплывали в памяти все детали этого замечательного приключения.

На следующий день мы отправились домой.

Начиная с осени 1928 года и в течение нескольких последующих лет мы с Фекой занимались отловом лягушек для кафедр физиологии мединститута и университета в Горьком. Мы знали места зимовок лягушек и поставляли их по требованию в любое время года.

Вообще же последующие несколько лет мы стали встречаться очень редко. Основной причиной, вероятно, послужило то, что оба были очень заняты: я работал на заводе, а Фека учился в Политехническом институте, куда он поступил в 1930-м году. Здесь он учился весьма успешно и вероятно стал бы по окончании института хорошим инженером. Однако, любовь к природе пересилила технику и в 1932 году он вновь поступил на 1-й курс, но уже биологического факультета Нижегородского государственного университета. Здесь он учился с еще большим увлечением и вскоре стал заметной фигурой среди студенчества биофака. Поступивший на биофак в 1935 году профессор И.И. Пузанов избрал именно Федора Шапошникова гидом для ознакомления с местной природой, о чем он упоминает в своих мемуарах.

В свою очередь я, в 1935 году уехал учиться в Ленинградском государственном университете. С тех пор наши встречи стали случайными, раз в несколько лет.

х х х

Окончив университет в 1937 году он был направлен на работу в Алтайский государственный заповедник. Условия жизни и работы там в то время были совершенно особенными.

Огромная территория заповедника (свыше 1 млн. га) представляла из себя хвойную горную тайгу, с многочисленными болотами, озерами и речками. Управление заповедника размещалось в поселке Яйлю, на берегу Телецкого озера, у его юго-восточного изгиба. Сообщение с внешним миром осуществлялось только по озеру, летом на парусно-весельных лодках – карбасах (подвесные лодочные моторы тогда в СССР еще не изготавливались) и изредка, не регулярно, на маленьком парходике, а зимой по льду озера на лыжах, а когда лед становился крепким на конных санях. Весной, во время ледохода, и осенью, пока лед не окрепнет, всякое сообщение прекращалось.

Природа заповедника была исследована лишь в общих чертах. Видовой состав фауны, размещение по территории, численность и их сезонные изменения для многих видов оставались еще совершенно неизвестными.

Таким образом, перед зоологом - натуралистом открылись широкие перспективы научной работы, для исследований можно было выбрать любой вид или группу животных.

Однако, получение интересующих материалов было связано с большими физическими трудностями. Главная трудность была в передвижении. Фактически лишь по акватории Телецкого озера можно было передвигаться более или менее свободно. На всей сухопутной части территории никаких дорог не было, лишь кое-где имелись конные и пешеходные тропы, прерываемые многочисленными болотами или каменными осыпями. Точных крупномасштабных карт не было так же, как и хороших, надежных проводников.

Наконец, следует упомянуть об опасности встречи с браконьерами, постоянно проникавшими в заповедник.

Федор Дмитриевич взял тему «Экология северного оленя». Про этого оленя известно было лишь то, что он встречается в заповеднике, но где и как точных данных не было.

Первые походы по заповеднику Федор Дмитриевич предпринял вскоре после прибытия туда, в августе-сентябре 1937 года. И сразу же, с одной стороны, был очарован первозданной красотой горного Алтая и в то же время увидел, какие трудности его ждут при решении поставленных задач. Но эти трудности не остановили его — настойчиво и упорно он старался преодолеть их, порою даже с риском для жизни. Об этом — и о его впечатлениях и о его переживаниях — лучше всего повествуют выдержки из его дневников.

«12.01.38. Верховье р. Коэтру. Соображения, заставившие меня предпринять обратный путь, следующие: гольцовая зона очень сильно изрезана, поиски оленя без проводника чрезвычайно трудоемки и заняли бы не менее 7 дней для полного обследования при благоприятной погоде. Количество продуктов у нас позволяло пробыть еще два дня, но назревшая медленно перемена погоды говорила за долгое состояние гольцов вне видимости. Наконец, мое здоровье стало хуже. Выехал я простуженным и чувствую ухудшение. Для продуктивного производства работы совершенно необходима постройка избушек в требуемых районах. Все подобные выходы производить более солидно, т.е. с освобождением зоолога полностью от ненаучного багажа, придав ему рабочего. Совершенно необходим проводник, знающий местность и зимние стоянки оленя в прошлом.»

Однако, перечисленные трудности оказались лишь «цветочками» по сравнению с тем, что поднесла вскоре коварная погода Горного Алтая.

18.1.38. Утром в 11 ч. выехали с Кырсая по средней верховке. На Беле не удалось попасть, т.к. мешала волна. До Челюша ехали 3,5 часа. Верховка стихла. С 16 час. До темноты шли на веслах. В Ижоне нас затер лед, Вечером при безветрии лед образовывался с большой быстротой. Ночью потянула низовка и мимо нашего бома понесло большое ледяное поле. К утру опять подула все усиливавшаяся низовка.

19.01.38. Ночь провели плохо. Было до – 20 С. Лиственничные сырые дрова плохо горели, дежурили всю ночь. Утром из-за сильной верховки боялся ехать, но к часу дня решился. Проезжая Купоросную, позади увидел сильный пар и нас догнала особенно сильная верховка. Когда до Яйлю осталось около 2 км, то внезапно увидел ледяную шугу, тянущуюся белым зыбким полем вплоть до берега. Моментально сбросил парус и пошел на веслах встреч. Стало заливать нос и мой спутник не смог выгрести. Шуга затянула, Пробились шугой метров 50 и встали. Дальше ехать нельзя, лодку затерло. Предстояла холодная ночь во льду, если выдержит лодка беспрестанное трение льдов, а если не выдержит, то ...Обдумал положение, решил ждать конца верховки, когда успокоится шуга и смерзнется. Мой спутник дрожал, сидя в своей шинели. Пока до смерзания решил обратить на себя внимание Яйлю. Поднял парус и дал 3 выстрела. На берегу забегал народ. От пристани пошли двое, держа в руках что-то черное, но вернулись назад, Через некоторое время. Через некоторое время пошли еще двое. У меня настроение упало. Если двое вернулись, значит от берега не пройти, а нам не дойти до берега от лодки. Но вторая пара приближалась и вскоре к ней присоединился третий. В трубку узнал Николая Рябова с лодкой на санях. Нас спасли бросая доски и переходя по ним по шуге . Докончил дело Ощепков, который с гордой смелостью шел по волнующейся шуге. Организовал спасение Николай Рябов»

Лето 1938 года прошло в долгих странствиях по заповеднику в поисках оленей. При этом Федор Дмитриевич не раз с горечью убеждался, что оленями также - и весьма успешно –интересуются и браконьеры.

«08.07.38. Окрестности озера Иты-куль. В 200 м от устья Кара-Сулук есть гарь, где можно остановиться. Корм коням есть. Гарь, видимо, сделана искусственно, т.к. на ней постоянные стоянки сойотов давностью 2-4 года. Вырублено около 120 деревьев (30-35 см, листвяк). Найдено 6 станов. На станах кости зверей, конский помет и в одном случае старые лыжи. Всего насчитано по костям 9 убитых оленей из которых 2 молодых (по остаткам нижних челюстей с непрорезавшимися коренными).Остатков рогов нет, нет и шерсти. Кроме костей принадлежащих оленям найдены кости лося и марала, всего 11 зверей. По характеру стоянок можно судить, что последний выезд был весьма многолюден. Время года – ранняя весна, апрель-май. Зверя били на зимовке. Признаки зимней охоты следующие: 1 –лыжи, 2 – настил для спанья из таловых веток с зимними почками,3 –очень толстые срубленные деревья и остатки, показывающие, что костер служил для тепла (без тагана), 4 – ветровые застилы для спанья, 5 - отсутствие остатков рогов.

09.07.38. Кара-Сулук. О несомненном присутствии R. t. в прошлом говорят остатки убитых оленей на сойотских станах. Мне приходит в голову версия, ято сойоты, узнав об организации заповедника решили воспользоваться тем, что в начале его существования охрана и пограничная охрана фактически не существовали, поэтому, организовав «большую охоту» выехали в большом числе и истребили R. t. на его зимовке весной в большом количестве.

10.07.38. Гора Колык Таш. Звери тут зимуют, что и было сказано вчера на основании осмотра соённых стоянок

11.07.38. К Каза-Яду. Свежих следов R.t. нет. Найдены сойотские станы, оба с остатками убитых оленей, взрослого и молодого.

14.07.38. Иты-куль, верховья Кара-кема. По дороге весенние стоянки сойонов.

15.07.38. Верховья Кара-кема. Попалось три стана, один из них свежий. В верховьях Кара-кема, в кедраче нашли зимнюю стоянку саянов промышлявших белку

16.07.38. Водораздел Нбян-Сору. – Узун-карасу. Прекрасные места для зимовки и для лета для R.t. Есть небольшое количество зимнего помета. R. t. безусловно был, но жестоко выбит соёнами.

17.07.38. Верховье р. Нбян-сору. На берегах озер есть весенние стоянки саянов.”

Убедившись, что олени есть, Федор Дмитриевич вскоре возобновил их поиски, теперь уже с целью понаблюдать за их поведением и попытаться добыть одного для музея (на что было получено разрешение Главка). Пережитые при этом приключения и переживания нашли свое отражение а дневниках и письмах.

12.08.38. Весь день с утра в дороге. Тропа ужасна. Много времени уходит на поиски. К вечеру вымотались вконец.

13.08.38. Ознеу (?), лог 3-х братцев, верховье р. Тушкен. Места для оленя не очень мне нравятся: мало ягеля.

Раскинув палатку, позавтракав рано утром, мы с Федосеичем вышли гольцы Коль-Тайги. Прохладный ветерок спускался от самых снежных пятен в зеленые долины, где пушистые вершины кедрачей принимали его в свои объятия с радостью шепотом. Солнце чуть золотило острые гребешки скалистых вершин. На траве лежал еще утренний иней. Хорошо, свободно дышится в горах при такой погоде. Полной грудью вдыхаешь утреннюю прохладу. Жизнь идет, Медведи, маралы уходят на дневной покой. Северный олень и бун выходят кормиться.

Когда мы залезли до первых снежных пятен солнце начинало уже припекать изрядно. Я знал, что олени держатся всегда в районе сохраняющегося снега, поэтому мы с Федосеичем тщательно пересматривали снежные поля. Вот на одном из них под навесом скалы в бинокль мы увидели следы. Оказалось, что снег был истоптан ногами большого оленя. След оленя нельзя спутать ни с одним следом другого зверя. Он индивидуален. Как резко индивидуален сам олень.

У самой кромки льда, уже подтаявшего от ярких лучей, мы увидели свежий след. Сне необходимо было добыть систематический материал —безрогую самку. По следам трудно было установить кто это: самец или самка, один или много? Все было истоптано.

Мы пошли дальше осторожно, против ветра. Перед нами открылось величественное поле курумов. Огромные камни преградили путь. Целый час мы лезли 300 метров, пока достигли края хребта. Под ногами метров за 200 синевой темнело озеро в каре. Из снежного пятна вытекал ручеек и падал с шумом, взбивая белую пену на глади. Справа зеленела долина Тушкена с разбросанными осколками зеркал – озер;

еще ниже темнел густой кедрач, торчали серые, покрытые ягелем утесы, горизонт весь изрезан хребтами.

Мы сели над озером и смотрели. Сзади нас возвышался хребет. Острыми вершинами упирались три пирамиды в небо, - как три братца – мелькнула у меня мысль и невольно поплыли воспоминания детства: братья, совместные походы, охоты, ученье в институте. Плынут миражем знакомые лица, встречи... Почти инженер. Затем ученье в университете. Теперь зоолог на Алтае.

Федосеич прервал мои мысли легким толчком. – “Смотри – олень!”- шепнул он, страстно вглядываясь в бинокль на курумы. Я спешно потушил папироску и тщетно искал знакомые очертания.

-“Нет, не вижу. Давай ориентир”.

«Вон он, около большого камня, спускается к сланке» – шепнул Федосеич, не отрываясь от бинокля. Таежные глаза острее моих городских.

Из курумов под гольцами спускался на еланку северный олень. увенчанный короной. Сразу даже трудно было понять, что у него на голове. Я в жизни не представлял ничего подобного. Федосеич шептал: «Вот так рога! Рога-то какие!». Он впервые видел оленя и ему было еще дивнее, чем мне. Черный лоб, белая шея с отвесом длинных белых волос, серая спина, бок и брюхо белоснежные. Сзади снежный ком ослепительной белизны волос, разделенный темной полоской на хвосте. Черные концы ног, белые носки

Медленно, важно шел наш могучий красавец к зеленому полю. Не дошел, повернулся и направился к глубокому ложку затемненному скалистой релкой. Постоял, нагнулся подогнув передние ноги и лег. Рога точно лес. Дремлет и смотрит. Черной морды не видно на фоне березки. Мелькнула мысль: надо попытаться сфотографировать. Дал Федосеичу условные знаки и скатился вниз. Вдруг олень встал. Ветер ли, играя, донес до него весть тревоги, сам ли захотел поесть? Пошел. Наклонился над зеленью и сощипывал верхушки травки. Я вернулся обратно. Олень шел на нам. Вечерело, Медленно подходил он ближе и ближе Стал виден каждый отросток на изумительных рогах. Приготовлена «Лейка», жадно смотрим в бинокль. Внезапно дунул ветер от нас. Олень поднял голову и застыл, До него было метров 200. Красавец-отшельник! Долго стоял изваянием. Нет, все спокойно. Мерным шагом стал спускаться вниз, где мы продирались через ивняк и березку спотыкаясь о камни, там, где на конях ни пройти, ни проехать шел ровным шагом отшельник, неся корону из бархата и кости. Прошел и перевалил через бугор.

Мы бегом скатились метров на 300. Олень медленно шел по березке и рысью бежал по еланкам все ниже и ниже в долину Коэтру к перевалу. Мы бросились ему наперерез, но так, чтобы красавец нас не почувял. Летим, как птицы. Вдруг стой! – из-за кустов шагов за 40 видно концы короны. Вот он вышел и встал перед нами на фоне заката во всей своей красоте. Снять не успел, Он чувствовал опасность. Поднял свой белоснежный хвостик, рысцей спустился с бугра и побежал к перевалу, затем свернул в косогор, уже шагом скрылся под гольцами. Прощай, наш красавец!

Стемнело. Мы вернулись ночью. Я потерял обе подметки от штиблет. Как хорошо, что Федосеич взял варенье.

14.0838. Чуть брезжит. Коней седлаем. Надо проверить, ушел или нет. Надо осмотреть где он пасся, надо узнать, где он провел ночь.

Ветер утром дует с гольцов. Окрашены золотом вершины гор, а мы уже под гольцами. Белоснежный иней на траве. Надо теперь дожидаться, когда солнце накалит камни гольцов, и ветер подует из долины. Мы ведь теперь выше, чем олень.

Проверили два перевала и район лежки и жировки оленя. Стали намечать дальнейший ход, чтобы сверху наблюдать за оленем. Вдруг среди темной березки метров за 300 мелькнуло белое. Олень! Медленно поднимается красавец из кедрача –редколезья в курумы. Вот, подошел к скалистой рёлке с островками кедрачей и пропал. Нет, он стоит ниже деревьев и что-то щиплет, видимо ягель. Поднимается выше и выше.

Мы бросились за скалу и засели в тени камней. Шаг за шагом все ближе наш олень. Затем внезапно свернул и очутился в тени угрюмых камней. Он слился с ними – пропал. Прошло минут двадцать, солнечный луч осветил белоснежную шерсть. Поднялся красавец, пошел к нам. У нас единственное теневое место, Я знал, что он придет сюда.

Все ближе и ближе. Я бросил бинокль. На «Лейке» блестит телеобъектив. Руки дрожат, я чувствую зверя. Федосеич не отрывается от бинокля и шепчет: «Рога-то, рога-то!». Да, это – рога! Нет, тебе суждено жить не свой срок. Ты заслужил жить сотню лет. И на тебя будут любоваться тысячи людей.

Медленно шагая, поравнялся он с маленьким кедровым стланцем. Надо снимать, он в фокусе. Щелкаю «Лейкой».... Ближе... Щелкаю еще и еще и перевожу дыхание. Руки дрожат, стук сердца как в барабан, шум в ушах

Вздрыгнул и встал, вперив прекрасные глаза на смертельных врагов. Расширились ноздри, направлены уши. Мотнул великолепной короной, повернулся в курумы и хотел могучим прыжком унести к скалистым гребням. Нет, ты достоин служить для науки.

Резко рвет воздух выстрел. Вскидывается красавец и в смертельном порыве стремится вниз. Волочится ранее могучее тело. Поток хлынула кровь из ноздрей. Зарылся красавец, с треском сминая кусты. Умирая, вперились очи в голубое небо

Уткнувшись в зеленый мох, лежу и больно мне за эту жертву науки. Перерастут тебя твои дети. Стадо будет огромно. Но не сгниют в неизвестности твои кости, не размочит белоснежную шерсть, не съедят тебя черви. Будут тобой любоваться годами».

Итак, цель достигнута, олень добыт. Схлынуло напряжение всех сил организма, позволявшее выдерживать трудности и напасти экспедиции. И сразу дали о себе знать усталость и различные недуги. Вот запись сделанная спустя три дня.

«... Сегодня 17 августа. Яркое солнце палит. Я лежу в палатке, Она стоит на высокотравной еланке на границе леса. Над нами громоздятся скалистые вершины со снегом. Шумит от ветра кедрач, внизу говорит речушка Коэтру.. Мы в Коль-Тайге – Дяраш-Тайге. Перед палаткой стоят вешала, на них сушится мясо. Мой спутник сидит у

костра, режет белое сало и топит его в котелке. На мою кошму падает тень от великолепных рогов старика ирваса. Он был слишком великолепен. Я не видел равного по красоте нигде. – ни в музеях, ни на снимках. Чудовищные рога! Они покрыты еще бархатистой шерстью.

Мне трудно двигаться – болен. Плохо болеть в далекой тайге. Пять дней пути до жилья. Семь дней пути до фельдшера. Гудит голова. У меня карбункул на том месте, на котором сидят в седле. Видимо простудился. Хуже всего, что нельзя двигаться. Это был трудный путь до Коль-Тайги. Тропа шла по скалам. Нервничаешь, глядя на коней, ежеминутно могущих сломать ногу в курумах, завязнуть в болоте меж скал».

Когда, наконец, смогли тронуться с места проявилась новая беда: совершенно изорвалась непригодная для таких походов обувь. Уже упоминалось, что подметки у штиблет отлетели. И вот новая запись.

«21.08. 38. Верховья р. Коэтру. С обувью опять беда. Штиблеты просят каши, а «новые» сапоги, о которых было уже за полгода слышно, что «идут», за три выхода почти отказали. Сделаны какой-то сволочью из сортирного говна.

25.08.38. Верховье р. Коэтру. На гольцы не иду из-за обуви и одежды. Всё неподходящее. Нет спецовки, т.е., хорошей исправной одежды. На коеях нельзя, а принимать холодную водно-снежную ванну – идти сознательно на риск заболеть. С обувью еще хуже. Сапоги развалились, а в штиблетах не хочу щеголять по снежной каше с водой.»

Видимо, с этим удалось как-то справиться и путники направились к дому. И по пути пришлось пережить еще большую опасность.

«... Среди темного хвойного леса, замшелого и обросшего до кончиков веток бородачом, мрачного и сырого, крутая еланка выступает светлым кружевом. Как солнечный зайчик, пущенный на стену шалуном. Желтые, фиолетовые, голубые, розовые букеты цветов.

Как из погреба вылезли мы на солнечный свет. Вдруг кони с храпом шарахнулись. Сверху несется огромное, черное. С ревом вздыбился метров за двадцать медведь. Из оскаленной пасти через сверкающие клыки брызжет слюна. На задних лапах подходит все ближе и ближе. Мечутся кони Курки щелкнули у карабинов. Ну, подходи!

Молча стоим и смотрим. Огромное, жирное тело, темная шерсть трясется на складках. Развороченные слюнявые губы на холке дыбом щетина.

Не выдержал великан, опустился на лапы, сверкнул кровавым белком и медленно, обернувшись поплелся наверх. Затем ошетинился, снова взыграл и забрызгал слюной. И опять, глухо стелая, зашелестел травой. Ушел».

Но ни опасности, ни болезни, ни трудности с обувью и одеждой не остановили Федора Дмитриевича и, едва успев вернуться домой, он отправляется в новую экспедицию.

«07.09.38 Верховье р. Б. Абакан. Обувь наша просто безобразие. «сапоги мои тово – пропускают H₂O» - как говорят химики. У Деменева тоже одни заплаты.

К 7,5 часам перевалили первую скалистую рёлку. Перед нами стена камня. Идет снег. Решаю ехать дальше, ибо если снег ляжет сухой и будет мороз, то через эту рёлку перевалить будет невозможно из-за курумов, прикрытых снегом, и скользких каменных плит.

...Начинает темнеть. Потеряли тропу. Еду на «авось». К счастью, пересек тропу и мы в темноте спустились с последней скалистой рёлки.

08.09.38. Тушкен. Утром проснулись рано. Снегу выпало 20-30 см. Хорошо, что выбрались из скал вчера. Сегодня бы не прошли. Разыгрывается настоящий буран. В гольцы вылезать нельзя. К тому же давление падает. К моему несчастью, мой спутник трусоват. Вчера он совсем растерялся, когда в сумерках мы потеряли дорогу. Приходится уже быть с ним построже и не надеяться на «таежника».

Сейчас надо решать проблему: ехать, или ждать? Температура -4 . Жуть! Ноги у меня мерзнут жутко. Сегодня опять надо чинить, сук прорвал голенище.

К 10 часам буран стих. Выехали дальше. С большим трудом перевалили последнюю рёлку и пошли под гольцами. Снег лепит глаза, тропы нет и следа. Надеюсь больше на «звездочку», да на свое чутье. К часу дня добрались до первого стана в Тушкене и, переждав порыв метели, перевалили в Чиринскую поскотину (Кужлон)».

Как видим, во время этих походов мысли Федора Дмитриевича были заняты в основном вопросами решения поставленной задачи, преодоления встречающихся препятствий. Но и красота окружающей природы конечно не ускользнула от его внимания, что и нашло отражение в его письмах. Приведем некоторые выдержки из них

«... Уже третий день мы ищем среди скал лазейку в Дяраш-Тайгу. Грозные обрывы, угрюмые курумы защищают туда дорогу. Мы изорвались, как цыгане. Закоптелые, черные лазим по скалам и ищем, ищем дорогу себе и коням. Завтра осталось лишь одно место. Пройдем – будем опять вдвоем полтора месяца бороздить безбрежные гольцы. Не пройдем – придется заезжать с северного конца озера, но уже Дяраш-Тайги не видать, как своих ушей. И опять потерянные дни.

Сейчас сижу на гольцах Телецкого озера в палатке и строчу это письмо. Только что прошла очередная гроза. Солнце через 15 минут спрячется за Алтын-Ту. Кромка гор уже окрасилась в золотой цвет. Алтын-Ту – золотая гора. Все легенды о куске золота – чушь, Это выдумки романтических исследователей, как ни красива эта легенда. Да и водопада такого с Алтын-Ту нет. На самой вершине этой горы выходят на поверхность слюдистые сланцы в виде огромной гладкой плиты. При закате и восходе, зимой и летом, при рождении солнца блестит эта плита в его лучах. Вот и получилась Алтын-Ту, а отсюда и Алтын-Коль (Золотое озеро). Много есть мест, где есть золото в горах, а Алтын-Ту и Телецкое озеро - самые беззолотые места. У алтайцев есть много легенд, почти про каждый большой камень свалившийся с горы, про кро-та и гагару, про луну. Около селенья Аргу-Баш (голова порогов) в истоках реки Бии на горе есть огромная каменная плита и на ней высечено: «Перевернешь – счастье найдешь». Когда нашли ее, то собралось человек 30. Стали ворочать. Еле-еле перевернули. Ну, думают, все – клад. Копали, копали – нет ничего. Потом посмотрели на плиту, а на перевернутой стороне опять лаконичная надпись: «Перевернешь – сча-

стве найдешь». Поматерились, посмеялись и разошлись. Пройдет сотня лет, может быть забудут это и опять найдутся «искатели счастья».

«...Солнце близится к закату. Ярко выступают нежной зеленью иголки и красноватыми стволами лиственницы из темного изумруда кедровых. На освещенной солнцем полянке, где мощный строй леса разрежен и вперед кверху идут лишь одни пионеры, среди головок маральего корня светлое пятно. Кто-то поставил копну сена, оно поблекло и выцвело от времени. Но что там вертится темное у копейки? Слышно какое-то чавканье. Да оно движется! Среди высокотравья пасется тройка медведей. Поблекшая мамаша с темным малышом и 2-годовалым медвежонком. Со стараньем копают все трое копеечник и, выкопав толстый мясистый корень, сладко чавкают».

«...Жарко. Солнце печет. Мошкара лезет в глаза. В высокой траве на еланках между кустов березки циркают кобылки. Голыш тараторят тарашки, перелетая с кедра на кедр, с полными оттопырившимися зубами от запрятанных орехов. Пахнет хвоей. Прекрасное летнее время. Ягель хрустит под ногами – сухо. На небе ни облачка. Только где-то там, с севера, за далекими хребтами протянулась темная полоска. Она растет, ширится.

Через полчаса наступает первый отряд облаков. Быстро несутся они, глотая солнечный свет. Стали охлаждаться гольцовые камни. Легкий ветерок подул в глубокие, темно-зеленые долины. Сильней и сильней дуют порывы ветра. Солнце скрылось. Отряд за отрядом, все ниже и ниже несутся облака. Вот они уже цепляются за верхушки хребтов и зацепились – спускаются глубже в долины. Упали первые капли дождя. Птицы примолкли. Вся мошкара давно убралась в укромные уголки. Дождь идет. Воздух охладился. Вот застучала крупа по листве. Все больше и больше её. Ветер стал холодный, пронзительный. Стало похоже на осень. Через час крупные хлопья снега сыплются с белого зимнего неба. Уже и еланки под снежным покрывалом. Лишь заросли березки выступают сквозь туман темными пятнами. Снег идет гуще, все кругом бело. Наступила зима, Кони вырывают ногами из-под белой скатерти снега поблескивающие стебли травки. Холодно, сыро. Ветер стихает. Туман спускается вглубь долин. Облака редуют, сквозь них просвечивает солнце. Появился голубой кусочек неба. Яркие лучи солнца ослепительно блестят, отражаясь от снега. Быстро, на глазах, зеленеют березки. Белыми пятнами сверкают еланки и они вновь открываются вскоре. Становится жарко. Закричали тарашки, пискнул конек. Лето. Прекрасное лето.»

«... Прибыли в южный конец озера, в урочище Атушту. Нам, т.е. мне и моему рабочему из наблюдателей надо было перебросить коней и багаж через горы, километров 10, до урочища Чири, откуда мы хотели ехать в Дяраш-Тайгу, т.е. «Красавицу тайгу». Наш путь с конями проходит в подножье горы Туалок, соседа горы Алтын-Ту. Мы выехали вечером, заранее зная, что захватим часть ночи. Тропа вьется по крутому склону, градусов 70-65, местами переходящему в отвесные скалы – бомы. Кругом непролазная тайга с кедром, пихтой, березой и высокотравьем. Масса красной и черной кислицы, черной смородины, таволги и прочих кустарников и ку-

старничков, переплетенных хмелем. Там, где топтыгин не сломал кусты смородины или шиповника ягоды висят гирляндами красными, черными, розовыми гроздьями.

Мы вышли по этой прекрасной, но сложной тропе. Вечер был ясный, но вдалеке, где-то за Туалоком, гремели раскаты грома. На половине пути налетел вихрь и все завертелось. Сверканье молний и непрерывный грохот и стон тайги. Мы продирались падая, спотыкаясь о камни и завязая в грязи. С неба нас усердно поливали из тысяч ведер. Кусты и трава выливали на нас целые потоки. Временами было ощущение, что можно захлебнуться в этом каскаде воды. Всякая осторожность и страх перед кручами исчезли, притупились, осталась одна мысль – вперед. Кони дрожат и храпят от грозных ударов. Молнии сверкающими лентами ударяют над головой. Это была сказка. Я не ожидал такой мощи. Этот вечер и ночь будут памятными на всю жизнь. Среди темной ночи, под вечный рокот мы переезжали вброд речку белой пеной опутаны лошади до брюха, ноги бороздят воду. Теперь уж все равно, что бы ни случилось, а надо добраться. Добрались.

А на утро, после разгула стихии, безоблачный день, зеркальное озеро и скопа ловит хариусов.»

В начале 1939 года к Феке приехала жена Муся – Мария Владимировна Федяй. Но ее приезд ничуть не отразился на его рабочих планах, он по-прежнему проводил много времени в экспедициях. Приведем несколько выдержек из дневников.

«23.04.39. Карасу – верховье р. Сурьяза. Снег был крайне тяжелый. Днем – кисель. На гольцах я едва не сломал ногу в коленке. Бедарев и Табаков сломали по лыжине.

24.04.39. Пришли в Чемраду. К концу дня опять брели без лыж, но по снегу. Вреди ребят паническое настроение. Все страшно устали, Я их вполне понимаю. Положение безусловно опасное.

26.04.39. Пришли до Теренколя. Дальше я не решился задерживать ребят. У всех большие семьи, а в это время час лишней может выручить. Мы же как-нибудь эти 7 километров груз переправим. Весна идет прямо катастрофически быстро. Пока я пишу эти строки передо мной потек целый ручей.

29.04.39.Иты-Куль. Все же интересно складывается жизнь. Позавчера мы нашли задранного оленя. Я вырезал оставшиеся куски мяса со спины и язык, закопал в снег, но эти черти вороны украли все мясо. Пришлось мне довольствоваться обедками. Параев брезгает - не ест, а я наслаждаюсь в «день ненастный» шашлыком и супом. До чего дошел – украсть у волка мясо!

07.05.39Иты-Куль. Весь день шел то дождь, то снег, безвылазно сидим в шалаше и жарим шашлык. За день слопал около 4-х кг чистого мяса!

17.06.39. Итыкуль. От мая месяца никакого впечатления. Все же на южных склонах березка набрала почку и скоро распустится, а пока лишь генцианы да примулы оживляют картину высокогорной весны.

18.05.39. Итыкуль. За день выпадал раз 16 снег и стаивал. Нам удалось перебросить часть груза на плоту через Итыкуль. Остальные вещи придется – завтра, ибо с погодой прямо вакханалия и бог Итыкуля, видимо на нас сердится».

Осенью 1939 года (16 октября) в семье Шапошниковых появилась дочка Наташа. В связи с этим в зиму 1939-40 гг. Федор Дмитриевич дальних экскурсий не предпринимал. К тому же и тема «Северный олень» закончилась и надо было подводить итоги.

В 1839 году за ним была закреплена новая теса «Экология кабарги» и для решения ее он возобновил дальние экскурсии по заповеднику.

«19.06.40. Бомкон. Прошел тропой до лесного притока Боскона. Дальше идут заросли кислицы, ольхи, молодой березки. Места для кабарги не интересные. Поднялся на г. Аргал. Здесь, на крутом склоне, покрытом старым кедром без подлеска и травянистого покрова, много поедей кабарги с веток – лишайника, и многочисленны копки. Кабарга, видимо, ест какие-то корешки.

21.06.40. Боскон. После часа ночи вышел на экскурсию. Ночь тихая. На рассвете встретил у засидки кабарожку. Зверек поднялся снизу к кедром, у некоторых останавливался покормиться. Кабарга легко прошла, часто останавливаясь и прислушиваясь по стволу упавшего кедра, затем спрыгнула с комля и подошла к подножью кедра, у которого стала собирать с упавших веточек лишайник. Затем, встав на задние ноги и опершись передними о ствол дерева, захватила сухую веточку за конец, обломала ее и опять общипала лишайник. Так продолжалось минут 15-20. В 2 ч. 30 минут послышался шорох и я увидел темный силуэт медведя, тихонько поднимавшегося по тропе наискось в гору. Кабарга заметила зверя и замерла в настороженной позе. Медведь прошел мимо кабарги в 25-30 метрах. Пройдя уже выше ее он остановился, повернул голову в её сторону, постоял с минуту, затем пристально посмотрел в мою сторону и опять пошел в гору. Кабарожка успокоилась и, покормившись несколько минут, легкими прыжками прошла вдоль склона и скрылась».

Однако, увлеченный работой, Фека не учел того, что во время его длительных экскурсий жена оставалась дома с ребенком одна, без родных и близких. Между супругами начались размолвки и кончилось все тем, что осенью 1940 года Муся, подхватив дочку, рассталась с Фекой и уехала в Горький.

Оставшись вновь один Федор Дмитриевич продолжал прежний образ жизни.

В мае 1941 года Федор Дмитриевич вновь отправился в длительную экспедицию в южные районы заповедника. Там он вел совершенно безмятежную жизнь, занятый лишь зоологическими наблюдениями и не зная ничего о событиях в остальном мире. И о начавшейся войне он узнал лишь 26 июня при встрече с пограничниками.

«26.06.41. Джулу-куль. День дождливый, идет град. Ночью кричали птенцы – молодые ушастые совы. Приехали пограничники и привезли известие о том, что 22 июня германские войска перешли границу Союза. Бомбили Севастополь, Киев, Житомир, Каунас и Мурманск.

Днем препарировал лисят и птиц. Дрозды – птенцы уже оперлись. Вечером кричат молодые ушастые совы.»

Как видим, новость о войне большого впечатления на Федора Дмитриевича не произвела. Объясняется это, вероятно, тем, что все мы тогда находились под воздействием постоянной партийно-государственной пропаганды и верили в то, что это

лишь досадное начало, а скоро конечно мы «будем бить врага на его территории». Поэтому Федор Дмитриевич спокойно продолжал и работать. При этом однажды он чуть было не погиб, пытаясь добыть горного барана архара.

« 07.07.41. Верховье реки Богояш. ... Подошел метров за 30 сверху, из-под ветра. Два самца стояли рядом на ветру. Подкараулив третьего спица выстрелил в него. Кочкор упал, В карабине застрял следующий патрон. Стадо исчезло. Подбежал к барану. Баран стоял на коленях. Хотел заколоть его, но получил внезапно удар рогами и потерял сознание. Очнулся метров на 60 ниже по склону. Из горла шла кровь. Кочкор не было видно.»

«Оклемавшись» Федор Дмитриевич продолжил свои наблюдения. Лишь 21 июля он получил приказ от дирекции заповедника о немедленном возвращении на центральную базу.

В декабре 41 года Федор Дмитриевич был призван в армию и отправлен на фронт.

+ + +

В 1942 году он был ранен и отправлен в госпиталь. Находясь там он вскоре, подлечившись немного, стал помогать персоналу, выполняя различные технические работы: осуществлял электропроводку, ремонтировал электроприборы и другой инвентарь. Эта его деятельность оказалась настолько полезной для госпиталя, что, по окончании лечения его не отправили обратно, а оставили при госпитале. Там он и прослужил до конца войны.

При этом он познакомился там с одной из медсестер, Валеи, оказавшейся землячкой – горьковчанкой. Сначала были общие воспоминания о родном городе, постепенно переросшие в дружбу и любовь. Правда, когда Фека сделал предложение соединить после войны их судьбы, Валя сказала, что это вряд ли возможно из-за разницы в возрасте - она была старше его почти на 10 лет. Однако он на это ответил, что главное в совместной жизни не возраст а сходство взглядов на жизнь.

После окончания войны и демобилизации реи сначала поехал в Горький, где и оформили официально свое супружество.

В поисках работы Федор Дмитриевич зашел в университет и там его сразу оформили заведующим Биологической станцией университета в Старой Пустыни.

Работая там, он предложил и осуществил на практике особый метод учета птиц. Этот метод был одобрен и введен в практику другими русскими экологами.

Однако, работа на Биостанции в Старой Пустыни мало удовлетворяла Федора Дмитриевича –слишком тут было тесно и относительно беден животный мир. И когда в 1949 году представилась возможность возвратиться в Алтайский заповедник он не колебался ни минуты.

+ + +

Итак, он опять на столь полюбившемся ему Алтае. Жизнь, как будто, складывалась очень удачно. Алтай стал второй родиной. Наладились связи с коллективом сотрудников, Составлены были обширные планы дальнейшей научной работы. А 20 марта 1950 года он защитил диссертацию на степень кандидата биологических наук.

Дома, благодаря усилиям заботливой жены создана благоприятная обстановка как для отдыха, так и для работы.

И вдруг все рухнуло в одночасье, как в 41 году, и даже еще более стремительно.

Осенью 1951 года Алтайский заповедник как и многие другие, был закрыт.. На ликвидацию дел сотрудникам дали две недели. О и без этого надо было торопиться, так как с отъездом, так как надвигалась осенне-зимняя распутица,, когда выезд из Яйлю становился на длительное время невозможным.

Куда деваться? Где жить и работать?

Главк предложил Федору Дмитриевичу на выбор два места: «Столбы» (возле Красноярска) или Мордовский заповедник. И тот и другой мало устраивали: малая площадь (то есть однообразие природных условий), небогатый животный мир (особенно в отношении копытных, исследованию которых и намечались были планы дальнейшей работы) Пришлось, как писал Федор Дмитриевич , «выбрать из всех зол меньшее – Мордовский». Живя и работая в нем моно было надеяться, благодаря относительной близости к Москве, перебраться со временем в более удачное место.

Фека тяжело переживал все случившееся. В письме уже из Мордовского заповедника от 3.XII.51 он писал мне: «Алтайская история крепко ударила по всем моим планам на будущее.. Более того – внесла разочарование и неуверенность в завтрашнем дне. Отразилась не только на работе, но и на здоровье».

ПРИБЫВ В Мордовский заповедник он обнаружил, что условия жизни и работы там еще хуже, чем он ожидал. Коллектив научных сотрудников, которым ему предстояло руководить, был очень мал , всего три человека – с таким не организуешь широких комплексных исследований. И квалификация их оказалась весьма невысокой и многое из того, что они должны были сделать, не сделано. –«В общем, - писал он,- пока что не знаю, за что и хвататься, везде щели и дыры».

Сам он решил попробовать продолжать изучение копытных. Однако, возможности для этого здесь были весьма ограниченными и совершенно иными, чем те, к которым он привык на Алтае: из копытных здесь были только в небольшом количестве лось и небольшое стадо пятнистых оленей, завезенных сюда с Дальнего Восток и сохранившихся в полуволевом состоянии.

Да и вся природа была далеко не алтайской. Особенно удручало полное отсутствие большой воды, к которой он привык живя в Нижнем и на Алтае. Ги хороший рыбалки, ни хорошей охоты близко не было. Поэтому ясно было, что при первой же возможности он оттуда уедет.

Такая возможность представилась через год и в 1952 году он перевелся в заповедник Аксу Джабаглы , расположенный в Казахстане, в отрогах западного Тянь-Шаня.

Это – горный заповедник, с высотами от 1200 до 4200 м, с сильно изрезанным рельефом. Понятно, что наличие разнообразных природных условий и привлекло сюда Феку. Правда, его любимых копытных здесь было только два вида: горный баран архар и сибирский горный козел, однако, биология их оставалась еще мало изученной.

Оглядевшись, Фека составил план комплексной научной работы, в которой над общей темой работали сотрудники разных специальностей. В письме от 25.1.53 он сообщает о своих первых впечатлениях и планах.

«Дорогой Ванча!

Я забрался в горы Южного Казахстана на Таласский Ала-Тау. Пока природа и общая обстановка меня не разочаровывают. Несколько смущает зверский рельеф и почти полная невозможность быть в заповеднике в зимнее время из-за погоды, состояния снежного покрова и пока отсутствия необходимого лагерного снаряжения.

В отношении науки тут дело видимо обстоит хорошо. Много интересного и полезного. С этого года мы начали разработку интересной темы в комплексе с ботаником, энтомологом-паразитологом и зоологом позвоночных. В основном вопрос касается горных пастбищ, их улучшения, изучения взаимоотношений диких и домашних животных, преимущественно с целью выяснения путей циркуляции инфекций и инвазий в связи с природной очаговостью. На мою долю выпадает изучение взаимоотношений и путей контакта диких и домашних животных, их численные соотношения, пути миграций и т. д.»

Далее следует весьма интересное признание.

«Ванча, учитывая, что мои ноги и сердце не вечно будут работать как у верблюда и особо трудные условия передвижения в зимнее время. Меня потянуло на разработку какой-либо более доступной группы. После размышлений по этому вопросу я выбрал наземных моллюсков. Относительная простота сборов, малоизученность и практическая важность этой группы, особое ее значение для зоогеографического анализа происхождения фаун и континентальных связей меня соблазнили. ... Мне хотелось бы слышать твое мнение по этому поводу...»

Таким образом, у Феки тогда сложились интересные, обширные и разнообразные планы научной работы. Однако, этим планам не суждено было осуществиться. Уже на следующий год он, благодаря своей горячности и малой опытности в отношении работы в условиях высокогорья попал под лавину. И, хотя остался жив, однако, ноги оказались настолько повреждены (подробностей я не знаю), что ходить стало трудно. Таким образом, работа, связанная с большими переходами, тем более в горах, стала невозможной. Оставаться далее в заповеднике было бессмысленно, да и в других заповедниках возможности продолжать прежние исследования не было. И Фека, скрепя сердце, вынужден был перейти на педагогическую работу. Обо всем этом он написал мне 12.X.55, уже из города Тюмени.

+ + +

«Дорогой Ванча! Представь, я изменил своим привычкам и перебрался в город. Семнадцать лет прошло с тех пор, как я впервые приехал в заповедник. Трудно было переменять протоптанную дорожку, что, впрочем, тобой тоже испытано.

Осели мы в Тюменском пединституте, где мне предложили кафедру зоологии позвоночных.

Казахстан меня вымотал, ибо зимняя экология там связана с совершенно голололомными походами. В результате своей неразумной горячности и краешком хватил

снежку из лавины. Финал – снижение радиуса действия из за левой ноги и в меньшей степени правой. А ведь нас – полевиков, как волков, ноги кормят.

Живем в городе уже с июля. О своих переживаниях при перемене специальности не пишу, тебе это знакомо. Приходится много готовиться к лекциям и практическим занятиям. Сейчас ужу немного втянулся и по привычке. На днях в библиотеке мне попала твоя книжка – определитель. Выполнено хорошо и отвечает запросам учителей, с достаточным для них объемом. ...

Жена и дочка довольны новой жизнью. Тюмень мне нравится. При наличии своего транспорта, который я решил завести, можно освоить окрестности, которые тут весьма не плохи. Я уже успел трахнуть пару зайчишек, с десятков рябчиков и три белых куропатки.

С квартирой устроился хорошо, в самом центре, от всех городских благ близко и не шумно.

Александр Николаевич (Формозов – И.О.) меня благословил на новом поприще... Прислал поздравительное письмо и Бодо Иоганзен. Остальные же все жалеют, что мне пришлось изменить курс.

Напиши, что поделываешь, остается ли время для каких-либо исследований, понимая под этим экскурсии в природу. Я после освоения новых курсов думаю с будущего года заняться адаптациями млекопитающих к ограничивающим факторам, сиречь так называемой «летней спячкой».

Ну, будь здоров ...»

Таким образом, мы видим, что Федор Дмитриевич, несмотря на полученные серьезные телесные повреждения и, как результат, резкую смену работы и всего образа жизни, не пал духом, активно осваивает новую профессию и уже строит планы новой научной работы.

Я немедленно ответил Феке, поздравив его с удачным переходом на новую работу и устройством на новом месте. Я также послал ему мой «Краткий определитель позвоночных животных» прося его дать книге более подробную оценку. Он быстро откликнулся (письмо от 19.X2.55).

«Дорогой Ванча! Спасибо за письмо и книжицу. Ты просишь подробнее сказать о ней. Мне она очень понравилась в общем по своей идее, продуманности и лаконичности.»

Сделав далее различные частные замечания он заключает: «Я уже приобрел для нашей библиотеки 30 экз. и посоветовал студентам приобрести лично.»

Далее он пишет о некоторых деталях его зачисления в институт и что он уже представлен к званию доцента. Затем подробно сообщает, как он собирается организовать работу студенческого научного кружка.

Перейдя далее к домашним делам пишет, что собирается приобрести автомобиль «Москвич». До сих же пор он ездит на велосипеде «Иртыш», в котором он произвел целый ряд конструктивных изменений, в результате чего проходимость и надежность работы всего агрегата очень возросла.

« На этом моторе я уже в Казахстане сделал более 5 т., да уже здесь 1200 км. Без каких либо приключений в дороге. Расход бензина на 100 км. Ровно 1,5 л. при скорости 20 км.».

Очень характерно для Феки: всякую «технику» самостоятельно улучшить и содержать в полном порядке.

Заканчивается письмо просьбой писать еще и припиской: «Ты прав, друзей со временем становится все меньше и меньше и я рад, что ты отозвался на письмо.»

К сожалению, сам он был не столь аккуратен в переписке и следующее письмо от него я получил только через год. Это письмо (от 10.X1.56) довольно минорное по тону и содержанию. Дела в институте не радуют. Сразу же: « У нас сменился директор, что несколько осложнило работу». Не хватает некоторых материалов для практических занятий и неизвестно, где их можно добыть. И главное: согласно новым учебным планам увеличилась учебная нагрузка, следовательно уменьшилось время для научной работы. В то же время количество лекционных часов сократилось до 52-х.

Не очень радостны и впечатления, полученные летом. Правда, удалось проехать на ботнике около 600 км по озерам и рекам Западной Сибири. (питаясь в основном тем, что сам мог добыть), но местность оказалась очень заболоченной и однообразной.

Хотел бы заняться бобрами и даже побывал под Тобольском, где их недавно выпустили, но место это, по его мнению, выбрано неудачно.

А автомашину до сих пор не приобрел, «...что меня здорово стесняет – уменьшает возможность собирать материал!».

Приятное только то, что удалось частично использовать свою богатую фототеку: некоторые его фотографии скоро должны появиться в солидных сводках, издаваемых Зоологическим институтом АН СССР.

В конце письма сообщает, что профессор И.И. Пузанов (бывший его «шеф» в университете в Горьком) раскритиковал в «Ботаническом журнале» школьный учебник по дарвинизму.

А в постскрипуме с удовольствием отмечает, что дочка его учится на отлично..

В ответном письме я спрашивал его, не собирается ли он в январе в Ленинград, в Зоологический институт – мы могли бы тогда встретиться там. Кроме того, я просил его написать рецензию на мой «Определитель позвоночных», поскольку я собирался переиздать его.

Ответ пришел быстро и очень нерадостный (22.X11.56). Сообщив вначале, что в Ленинграде в январе его не бьет, так как он едет на совещание в Свердловск, далее он пишет:

«У нас, тюменцев, начинают сгущаться тучи над институтом. Отказали в здании, а мы задыхаемся в старом. Стоим перед дилеммой сокращения либо нашего, либо физмата. Так что не ровен час и придется грузиться на колеса. Пока все это еще не ясно, но к тому клонится. Вот тут и задумаешься о конечной Пристанни – куда еще придется совершить путешествие:»

К этой внешней угрозе сокращения факультета добавились и неприятности внутренние. В этом году ЦК КПСС провозгласил лозунг: «Политехнизация». И как в ту пору неизменно бывало этот лозунг стали приклеивать всюду, во все сферы, в том числе и в области просвещения в любой дисциплине. Хочешь – не хочешь, а выдумать какую-то «политехнизацию» непременно надо было каждому. И Федор Дмитриевич с горечью и тревогой пишет: «Вчера очень бурно проходил отчет мой и ботаников на партбюро о политехническом обучении, и я еще до сего времени не «оклемаюсь» от целой гаммы впечатлений.»

Подводя итог он пишет: «Извини меня – дурацкое настроение мешает мне писать тебе о чем-нибудь ином, выбивает из колеи неясность ближайшего будущего».

Что касается моей просьбы к Феке дать рецензию на мой «Определитель» то он ответил, что не может этого сделать, так как, во-первых, он никогда таковых не писал; во-вторых, он почти не пользуется им, так как для их мест он во многом неподходящ.

«Главное же, мне просто нет времени крепко засесть за это дело, да нет и опыта. ... Времени у меня хватает только на письма, да иногда на кино. Все остальное – занятия, заседания, собрания, планы и прочее».

Конечно, я согласился с его доводами, учёл в каком он оказался положении и насколько не обиделся на него за отказ.

К счастью, его опасения не оправдались. Факультет остался цел, а «политехнизация», как и другие подобные кампании, постепенно сошла на нет.

1957 год Фека провел весьма активно и во многом успешно.

В письме от 7 февраля 58 года он писал, что прошлым летом осуществил выпуск 60 бобров (которыми, как мы помним, он собирался серьезно заняться) уже недалеко от Тюмени, причем 20 штук даже там, где проходит полевая практика студентов.

«На кафедре задумали написать научно-популярную книгу «Природа Тюменской области», но дело двигается очень туго».

Однако, ему удалось, наконец, приобрести автомашину, что сильно увеличило возможность дальних поездок и он собирается летом съездить на юг области посмотреть рептилий и амфибий.

Доволен он, в общем, и учебными делами: ему не приходится разбрасываться, он ведет только одну дисциплину – зоологию позвоночных, - лекции, лабораторные занятия и половину полевой практики. Но «Все дело портят заочники, чёрт бы их побрал!». Понять Феку можно: летняя сессия заочников совпадала по времени с полевой практикой студентов стационара и, при наличии на кафедре лишь небольшого числа преподавателей им приходилось работать по 12-15 часов в сутки. Однако, законом это запрещено т если все же в своем отчете преподаватель указывал такие цифры, то любая официальная ревизия вычеркивала «излишки» сверх положенных ежедневно 8 часов и, таким образом получалось невыполнение нагрузки. Приходилось исхитряться и разбрасывать сверхурочные часы по другим дням.

Неплохо сложились и личные дела. Благодаря наличию автомашины появились возможность выезжать всей семьей за город – за грибами, на рыбалку. Правда, проходимость «Москвича» оставляла желать лучшего: на грунтовых дорогах в сухую погоду он застревал в песке, а в 1дождливую – в глине, но все же выезды в природу стали постоянными.

Особенно удачно шла рыбалка. – «Прекрасный клёв на удочку (язь, окунь, чебак), а в сентябре заразился ловить блесной окуня. Клюет прямо сказочно и все крупные. Азарт необыкновенный! За 2-3 часа вытаскивал до 100-120 штук окуней средним весом в 1150 г ...кормил рыбой весь дом и двор».

Желая и меня приохотить к такой рыбалке Фека подробно описывает снасть, где следует искать окуней и приемы лова.

Однако, кое в чем он мне немного завидует – в частности тому, что я лучше организовал летний отдых семье (все лето на даче). Кроме того, мне удастся ежегодно проводить около 2-х недель в совместной дальней поездке на лодке со старыми друзьями-горьковчанами. – «Очень хотелось бы мне повидать горьковчан... У нас тут к сожалению , туго со знакомыми».

Домашние дела в порядке, дочка учится хорошо, «но под большим давлением», а жена нашла себе интересное занятие – организовала детский самодеятельный кружок по изучению немецкого языка.

Заканчивается письмо, как всегда, приветом моей семье.

Следующее письмо от 16.11.58 короткое но полное недовольства.. Опять сетует на «засилие» заочников: их вдвое больше, чем студентов стационара. Одолевают разные комиссии и проверки.

« Один ревизор решил, что заповедники не являются научно-исследовательскими учреждениями и пытался лишить меня научно-исследовательского и педагогического стада. Едва отыскал постановление СНК, но до указания МНО мне бояться платить за 10-летний стаж и лупят по 5-летнему».

...Если у тебя есть конспект какой-либо лекции по позвоночным, примерно по теме «Происхождение какой-либо группы, или сравнительно-анатомический очерк класса» пришли мне для обмена опытом. Я его тебе верну. Неплохо бы и программу полевой практики (рабочую)».

Единственно, о чем пишет с удовольствием, это – описывает детально свою машину.

Получив это письмо я сразу же ответил ему. Вместо того, чтобы посылать конспекты отдельных лекций я изложил ему мою концепцию построения всего курса лекций по зоологии позвоночных.

Я считал, что для учителя основу курса должны составлять не детали строения различных систем органов, а биология: приспособительные особенности к среде обитания, суточный и сезонный ритм жизни, питание, размножение, значение в данном биоценозе и для человека.

Фека тоже сразу (25.11.58) ответил мне.

«Собственно говоря, ты мне сообщил то, чего хотелось. Точно такой же политики в отношении лекционного материала придерживаюсь и я, но мне надо было моральную поддержку, так как некоторые педики-профессионалы упрекали меня в излишней аутэкологии на лекциях. Общая же экология, оторванная от конкретного вида, тем более попытки втиснуть в совершенно неразработанные биогруппы, как это делает Н. П. Наумов, не дает ни уму ни сердцу не только педагогу, но и универсанту.»

В своем письме я выражал сомнение в том, что ему удастся написать «Природу Тюменской области» в намеченный им срок. Он согласился со мной.

«С «Природой» ты прав, у меня у самого надежды мало за этот срок сделать что-либо путное. Но я надеялся на выход сводок по Западной Сибири Строгановой, А.Н.-Формозова, И.Лаптева, Б.Г.Иоганзена, на собственный материал надежды конечно мало.

...Писал мне И.И. Соколов, он выпускает копытных в серии «Фауна СССР», Там наверно будут мои фото. Мне все хочется устроить фотовыставку, наберется изрядно по ландшафтам и животным.

... К занятиям мне по-прежнему приходится много готовиться, память у меня прямо-таки аховая, да и прежних знаний маловато».

Далее опять вспоминает о прошедших неприятностях.

«Появился у нас новый директор. В связи с этим было обследование состояния работы на кафедре».

При этом, видимо, были отмечены какие-то недостатки, в которых виноват был прежний заведующий кафедрой, но за которого пришлось отдуваться Федору Дмитриевичу: «Жалею, что у меня постепенно, но верно ухудшаются отношения с А.Д. Шароновым, старым работником института. Ни черта не делает, а мне за него отдуваться приходится»

И опять вспоминает, как ему пытались снизить зарплату и сколько усилий и пришлось приложить, чтобы преодолеть бюрократизм чиновников.

Говоря о летнем отдыхе Фека пишет: «Несколько завидую твоему уменью организовать разумный отдых. У меня это дело не получается. Дочка еще маловата для капитальных выходов, а Валентине Александровне это уже не под силу Большую надежду питаю в единении с машиной и байдаркой, которую купил и дома уже собирал и разбирал в положенное инструкцией время за 25 минут. Наладил рыболовную снасть – увлечение удочками и блеснами. Для души купил духовую винтовку и с удовольствием постреливаю из нее в цель. Научился класть пульки на 25 метров в спичечную коробку.»

Далее следует подробный рассказ о том, как возится с машиной, что перебрал в ней и заменил, какие внес усовершенствования (обогреватель на стекло). . «Прости, что расписался, но иногда это бывает какой-то потребностью. Нет ни черта людишек, с кем можно было бы побеседовать, как когда-то».

Конечно, я сразу же ответил. В числе прочего, сообщил ему о слепоте одного общего знакомого – Славы Карпова, конструктора байдарок. Также спрашивал его, как

он проводит полевую практику. Фека также быстро откликнулся – письмо от 4 апреля 1958 года. Выразил сожаление о слепоте Славы.

Далее пишет, что у него произошла «пренеприятная история» при выезде из гаража внезапный порыв ветра захлопнул одну половинку ворот, которая ударила по машине и сильно повредила дверцу. Кое-что он исправил, но полностью устранить повреждение пока не удалось «В общем – испохабил машину. Ругаю себя матерно, но толку от этого мало.»

О полевой практике пишет: «Я провожу ее фронтально, т.е. 16 дней зоология, 16 ботаника. Иначе ботаники своими гербариями портят нам дело. Провожу занятия по каждому биотопу комплексно: амфибии, рептилии, рыбы, птицы, млекопитающие в соответствии с тем, какое место в биотопе занимают те или иные животные. Кроме наблюдения, изучения поведения, голосов и прочего делаю маршруты учета по встречам,. Устраиваю лов рыбы бреднем с последующей ее обработкой, лов удочкой. Дело заканчивается ухой. По млекопитающим закладываю учетные ленты на мышевидных и учетные ленты по следам крупных на песчаных и влажных участках...В конце заставляю сделать эколого-фаунистическое описание района с распределением по биотопам и относительно количественных характеристик животных. Зачет принимаю по самостоятельным для каждого студента часовым экскурсиям,, где остальные являются условно экскурсантами».

Таким образом, мы видим, что полевую практику Федор Дмитриевич проводил весьма тщательно и дотошно.

В сентябре 1958 года я послал ему письмо с описанием несчастного случая, произошедшего у нас на охоте: как я выбил глаз нашему общему другу, доктору Михаилу Вениаминовичу Колокольцеву. Конечно, Фека сразу откликнулся. 25 сентября он написал мне.

«Твое письмо поистине ужасно. Бррр Но знаешь, дорогой друже, подобных случаев на охоте не занимать. Помнишь судьбу сына инж. Григорьева, выстрел Сашки Л. по отцу, который был в шалаше. С Сашкой я бросил ходить на охоту из за многочисленных случайностей с его ружьем, причем жертвой почему-то был я.

Все дело конечно в том, что это близкий человек. Хорошо, что Миша уже достиг высоких вершин и на его жизни это происшествие не так сильно отразится...

Мне вспоминаются два случая. Первый - на производстве. Я чинил электромотор. Внутри кожуха на валу стояли двое рабочих....Время нам было дано 20 минут. Через этот срок я обязан был включить мотор. Рабочие были этажом ниже и я их не видел. За 2 минуты до пуска я догадался крикнуть в кожух. Но один не успел вылезти и его едва не намотало на вал. Отделался он переломом руки.

Второй случай, когда меня затащило в шторм на Телецком озере в январе 38 года в шугу и один смельчак, Акинф Ощепков, чтобы спасти меня подошел с риском для жизни ко мне на длинной доске. У него была семья, сам девятый.

Свой отпуск прошел тоже комом. Весь июль я был занят приемом госэкзаменов в роли председателя комиссии.

Дома у нас был ремонт и в отпуск пошел только с 5-го августа. В августе мы поехали за 60-80 км на реку Пышму. ...Прожили там 12 дней..

Правда, рыбалка была замечательная. Вволю покатались на байдарке. Комбинация у нас байдарки с машиной вышла изумительная... На сборку без посторонней помощи трату 20-30 м. Борка еще скорее. Скорость по тихой воде без ветра при одном гребце до 10 км., транзитная 5-6 км. Подъемность: нас трое и груз до 150 кг. Бывали прорези внешнего резинового слоя корда, гл. образом от консервных затонувших банок и беззубок на отмелях. Ремонт очень простой: вулканизирую брикетами для машины м той же струбциной...Один переносу (на голове или на плече) сие суденышко до 500 м без отдыха. ...В общем, для рыбалки, охоты и прогулок с использованием машины для подъезда пожалуй ни в какое сравнение с надувной не идет. Для меня, при составе семьи в три человека, это поистине идеальная вещь.

Рыбалкой я увлекаюсь здорово. Нынче клёв был значительно худшим по сравнению с прошлым годом, но и то удавалось хорошо ловить язей, окуней, чебаков и щук. Ловили мы все втроем на удочки с червяком. (Далее идут подробности лова разных рыб. –И.О.).

С охотой у меня дело было хуже. Охотился только несколько дней, и то по мере надобности в мясном обеде. Загубил 12 чирков, пару б. кроншнепов, 4-х красногловых нырков и несколько мелких куличков (таковы тогда были охоты под Тюменью! – И.О.)...На Алтае и в Казахстане я избаловался крупным зверем и мне теперь птичья охота как-то не по душе.

...С наукой у меня плохо. Я тебе писал, что в прошлом году обследовал реку Пышму под выпуск бобров и там выпустил в общей сложности 58 голов. К сожалению, обе партии были из Белоруссии, а там ловят не семьями, а одиночками. В результате бобры широко разошлись и живут большей частью тоже одиночками. В этом году только поверхностно посмотрел их размещение.

Был в Воронежском заповеднике на съезде бобрятников и выхухолятников. Докладал на тему о перспективах расселения бобров в Зап. Сибири по южной границе тайги.

На съезд в Уральский филиал не поехал – нет времени, да и доклады там об охране природы в пользу бедных. Дело не в словопрениях, а в отсутствии закона и в государственных мероприятиях, которые известны каждому (Он имел здесь в виду массовое закрытие заповедников в 1951 году. – И.О.)

У меня на кафедре осечка с физиологом. Физиологичку, которая была, пришлось освободить за негодностью, а замену нам только пообещали. Боюсь, что у 5-го курса сорвется курс физиологии.

Очень трудно у нас с лягушками. Здесь сибирские, которые зимуют разрозненно в илу. Их не добудешь, да они и маленькие. Травяные тоже редки и маленькие. Придется, наверно, брать из Москвы.

Посылаю тебе фото. Дочка становится совсем большой. Учится неплохо, но под большим нажимом; невнимательна, мало чем интересуется кроме живых игр

Фото птиц не совсем удачны. Дубонос снят далеко, а жулан против света..

Ну, будь здоров, пиши.»

. Фека напрасно сетовал на плохое качество своих снимков. Может быть, эти два действительно были «не совсем удачны» а вообще-то инлгие его снимки были превосходны. Об этом он сам пишет в следующем письме (от 8.1у.59).

«Несколько месяцев назад я послал три снимка в «Вокруг света» и их к моему удивлению приняли, просят еще. Замучили со снимками наши зоологи: И.И. Соколов, Строганова, Иоганзен для иллюстраций своих книг. Всем им я посылал немного. Теперь пристаёт газета.

Таким образом я постараюсь отслужить еще пару-тройку лет, а затем вероятно перейду на почасовую работу и займусь фото и литературой. Хочется что-либо изобразить для детишек. Материал есть, и не плохо»

Но это – далекие планы. А что теперь?

«За мной числится в тематике «Природа Тюменской области». В частности – раздел о млекопитающих. Как я буду справляться с этим – не знаю. Думаю дать что-либо популярное для учителей.

Затем я направил в «Гр. Алт. гос. заповедника» статью о по птицам (совместно с Дулькейтом). Написал о бобрах Тюменской области (выйдет в «Уч. зап. Тюм. инта»). На эту же тему просит послать текст моего доклада о бобрах на совещании по бобрам Воронежский заповедник, там будут издаваться труды этого совещания республиканского масштаба.

Со студентами думаю заняться влиянием зайца беляка на лесовозобновление естественное и лесных культур, экологией сибирской лягушки, выяснением роли белки по отношению к возобновлению сосны на старых пнях, количественным учетом воробьиных по своему методу. С этого года с помощью ботаников и бесхребетников хочу организовать сборы наземных моллюсков...

Сейчас парюсь над редакцией «ученых записок» и сборника обл. музея. Никак не предполагал, что это такая сволочная вещь! Со всеми авторами переругался и перессорился».

Таким образом, мы видим, что скучать без дела Федору Дмитриевичу не приходилось.

Остальная часть письма посвящена личным интересам и делам.

«Завидую тебе, что ты каждое воскресенье ходишь на лыжах. У нас до ближайшего леса 8 км. Пока я туда дойду – устану, да и назад особенно бывает тяжело. А вот за зайчишками в этом году я поездил и поколотил их изрядно. Ездили обычно компанией 5-8 человек. Поочередно устраивали загон и открывали стрельбу во всю В этом году много зайцев было заражено паразитами.

Для зимней рыбалки я все наладил даже приобрел в Свердловске бокоплавов и «малинку» – мотылей. Они у меня маринуются в живом виде в холодильнике... Зимний лов рыбы у нас замечательный на озерах, но далеко и дорога туда плохая. На своем «Москвиче» я туда не суюсь. Машина у меня стоит давно на стойках – дожидаюсь тепла с нетерпением. Хочу приобрести приемник на полупроводниках (Спутник или Фестиваль).

Чтобы ловить рыбу на удочку и одновременно слушать музыку. Теперь с машиной и байдаркой меня просто заманивает вода. Своим «Москвичом» я очень доволен ... и не думаю о чем-либо другом»

Однако, как ни удачна комбинация машины и байдарки, сколь ни хороши здесь рыбалка и зайчиная охота, а сердце Феки оставалось верным первой любви – Алтайскому заповеднику. Вот что он написал в особом приложении к письму.

«Да, должен еще тебе похвастать. Очень просят меня вернуться в заповедник Алтайский. Предлагают хотя бы организовать туда мою поездку на лето для консультации. Я конечно доволен и может быть выберусь туда на время летом. Если когда-либо существовал земной рай, то наверняка там... Ехать туда совсем я не решаюсь из за жены, которой уже 60, и дочери, которой надо учиться не у тайменей и маралов, а у учителей более надежных. А самого так и тянет на голубую гладь горных озер! И комаров ведь там нет, и рыбы много, и зверя и птицы, а аромат лесной – только ухнешь! Давно не смотрел с хребтов вниз, а это – особое удовольствие, которое не опишешь.

Дулькейт, дьявол, в июне туда едет насовсем, а ему, чёрту сухому, уже за 60 стукнуло. Эх, Ванча, до чего же там хорошо! Я когда-то мечтал там и сдохнуть. Место подыскал на мысе Чичилга, о который разбиваются волны с разгона – хорошо там. Летом брызги летят, как жемчуг, зимой все льдом покрывается: каждая веточка на дереве звенит на ветру, как волшебный колокольчик. А уж если солнечный луч упадет, то совсем сказочное царство получается.

Теперь туда попадать проще. Автобус ходит от Бийска до Турочака, а там на попутной машине до самого Телецкого озера. Раньше же верхотурой от Горноалтайска 270 км было еще лучше.

Ходит там на свободе до последнего времени кержак со всей своей семьей по тайге, где-то в верховьях Абакана.

Таймени и ленки на Абаканских перекатах спят, как бревна, у омутов. Кинешь блесну, а он, каналья, медленно за ней нехотя тянется. Пригубит и бросит. А если голодный – только тенью промелькнет и шнур со свистом воду зарежет. А как харюза за мошкой прыгают!

Так и не забыть мне никогда Алтая».

Так было 60 лет назад. Теперь остались только горы, озера и ветер, а о былом богатстве животного мира приходится только вспоминать.

Заканчивается письмо сообщением о том, что вся семья переболела гриппом и жадобой: «Сам старею и глупею не по дням, а по часам. Память и раньше была плохая, а теперь хоть плачь – ни черта не помню.

Вот, пожалуй, все основные новости. Привет Ксении и детям.

Твой Фек»

В следующем письме от 14.X11.59. Фека всю первую половину письма посвятил восхвалению своей собаки, сеттера Роя и описанию его охотничьих подвигов.. По его словам, Рой настолько талантлив, умен и послушен,, что «... показал себя про-

фессором... С каждого выхода с ним я привожу 5-7 тетеревов... Дома мы только и ожидаем от него «не заговорит ли он человеческим языком» – такой умница! Он знает очень много слов: «Иди к маме, папе, Вале; достань мяч, пирожок, газету, иди спать, иди сзади, иди рядом, тихо, сядь, лежать».

Из этого дифирамба видно, что Фека уделял своему псу очень много внимания, чтобы сделать его таким же безотказно работающим, как и все механизмы, с которыми он имел дело.

Перед этим я ему писал, что у нас открылась вакансия на место зоолога-позвоночника. На это он пишет: «Если бы у вас в ин-те мне могли предоставить квартиру с удобствами, я бы подал на конкурс. Мне искренне хочется поработать с тобой».

Однако, основная причина его желания сменить место работы была в том, что у него окончательно испортились отношения с бывшим зав. кафедрой Шароновым, который «будет продолжать свои каверзы».

В заключение Фека сообщает: «Осенью 62 года предполагается съезд зоологов пединститутов. Там будет фотовыставка "Природа нашей Родины". Если у тебя есть фото – имей в виду и подбери получше.

... Недавно Гл. упр. по охотничьему хозяйству и заповедникам Казахской ССР попросило меня напечатать фото по природе (фауне и флоре) Казахстана. Я выслал им 120 шт., по 3 экземпляра. Сам печатал с негативов впервые. Есть очень хорошие. Теперь жду ответа».

Как видим Федор Дмитриевич уже приобрел довольно широкую известность, как фотограф природы.

Вскоре вслед за этим обстоятельным письмом пришло письмо от 20.X11.59. В нем Фека, вспомнив, что он не ответил мне на мой вопрос о байдарке, подробно описывает ее качества.

«... По моему мнению это суденышко для двоих пригодно в любого вида водных походах»

В конце письма кратко сообщает, насколько еще богата тогда была природа Западной Сибири.

«На нашей Западно-Сибирской территории еще столько неосвоенных мест... Приведу пример. Что на реке Аштис (приток Вагая) близ озера Уват (озеро примерно 20 x 30 км) рыбалка напоминает мне алтайскую. За час-полтора можно натаскать окуней сколько влезет. Утвы на озерах во время пролета осенью тучи. А если иметь подсадную утку для весны и, главное, время то и тут будет ограничивать только спортивная совесть».

Правда, такие места далеко на севере, добираться до них трудно. Но и вблизи Тюмени можно еще, как говорится, «отвести душу». но свободного времени очень мало. Так он и пишет мне в конце зимы .

«Все время поглощает работа, времени ни на что больше катастрофически не остается. К тому же у нас в плане большая углубленная проверка Мин-ва. А так хочется освободиться, перейти на почасовую работу, заняться всерьез фото и литературой. Материал есть, и хороший.

Два раза были на озерах на зимней рыбалке. Хотя и далеко, и дорога плохая, но рыбалка была замечательная»

Упомянутая предстоящая проверка работы кафедры состоялась и оказала большое влияние на работу и жизнь Федора Дмитриевича. Вот что он писал мне 23.1У.60.

«Дорогой Ванча!

Поздравляю тебя с весенними праздниками!

... У нас недавно была комиссия Мин. проса. Нашу кафедру проверял физиолог Якушев из Челябинска. Попало мне здорово, но, в основном, не за мои грехи. Из-за недостатка помещения я не смог развернуть современной физиологической лаборатории, развернуть научную и профильную работу среди студентов (у нас самих нет рабочих мест).

Относительно моей лекции (я читал систематику птиц, в частности дневных хищных) было сделано замечание, что не показал на примере адаптации мичуринское учение и не провел критики теории преадаптации – другими словами, не проявил «воинствующего духа» и т.д., при том дал интересный и достоверный материал в экологическом аспекте.

Вот и подумаешь, прав ли сей человек, требуя за уши притягивать философские обобщения для каждой части темы?

По-моему, вскрытие объективных природных закономерностей и формирующего влияния условий и дает материалистическое понимание явлений.

Подвел меня и А.Д. Шаронов. При проверке его научной работы оказался несостоятельным. За 20 лет после защиты диссертации по птицам он сумел опубликовать только 2 сообщения в 51 и 54 гг. Нет у него и рукописей, планирования работы на каждый год.

Вот за эти прорехи мне и влетело, пожалуй впервые за все мои годы. Сказалась неопытность в педагогической руководящей работе. Правда, отмечено было это все только в акте ревизии и от Министерства не последовало никаких санкций, но настроение у меня неважное. Шаронов задумал уходить, не закончив учебный год и поставил меня перед дилеммой искать человека для проведения полевой практики по беспозвоночным, а с почасовым фондом плохо. Вот я и кручусь «как цветок» в проруби.

Стал нервничать и подумывать сам прежде всего сбросить хомут адм. обязанностей зав. кафедрой, а для этого потребуется тоже уход совсем с педработы или перевод в другой ин-т.

Встречаю весенние дни осенним настроением. Хотелось бы опять на заповедную работу, но там опять предлагают зав. научной частью, а это дело не подходящее. В этой шкуре я уже побыл и вновь не хочется.

Завидую тем, кто подобных переживаний не испытывает, либо относится к ним более спокойно. Как проведу лето в связи с этими делами пока еще не думал, но чувствую, что устал сильно и надо успокоиться.

Что ты наметил по науке в этом плане для себя? Я, откровенно говоря, при занятости летнего периода встал перед необходимостью «придумывать», а это плохо. Наука требует «души».

Извини, что загрозил письмом переживаниями своими, но только уж у меня сейчас состояние, потребность поделиться.

Привет Ксении.

Твой Фек».

Таким образом, можно было предположить, что перенесенными неприятностями дело не ограничится и впереди Федора Дмитриевича ждали новые трудности. Так оно и оказалось, Вот, что он писал мне 20.XI.60..

«Дорогой Ванча! Что-то давно от тебя нет вестей. Где ты и как провел лето, очень? Как твои дела в ин-те?

В этом году у меня сумасшедше прошло время. Представь, что только 3 или 4 раза выезжал с семьей в лес. Не рыбачил. Правда, раза 4 был с собакой за тетеревами и перепелами.

В октябре проехал на байдарке по р. Пышме около 350 км, - учитывал выпущенных туда в 1957 году бобров. Результаты оказались очень хорошими. Хоть тут удалось что-то сделать существенное.

Занятий до чёрта. До сих пор еще не нашел на кафедру беспозвоночника взамен ушедшего еще в мае Шаронова. Упорное желание сбросить обузу зав. кафедрой. В нашей тесноте это – слишком беспокойное дело. Начинает беспокоить квартира, которая у нас без удобств, а В.А. становится уже нелегко лазить по нашей лестнице с ведрами и прочими прелестями.

Представь, все сильнее пробуждается желание куда-нибудь «трахнуть», а тут еще приятели соблазняют. Один мой хороший друг – Мишка Игошин,- вернулся на Камчатку и так ее расхваливает, что я затосковал.

Здоровы ли вы все? Пиши. Сердечно поздравляю всю твою семью с Новым годом! Желаю здоровья и успехов в работе. Привет Ксене

Твой Фек»

Как же удалось ему справиться со всеми трудностями?

Не получая от него долго писем, я написал ему, спрашивая, не обиделся ли он на меня? И вот его ответ (8.03.61).

«Письмо ты написал и я его получил и конечно не обижался, а просто завертелся. Был в Новосибирске на зональном совещании педвузов Сибири и Дальнего Востока, затем погрузился в организацию вивария, подготовку к 30-летию ТГРИ, встречал нового сотрудника и проч., и проч., т проч.

...Беспозвоночницу добыл как будто хорошую – Лидию Ивановну Кородину из Кзыл-Орды, увлекается совками. На первый взгляд очень милая, симпатичная, а главное интеллигентная.

Беспозвоночник у нас был один – Шаронов А.Д. В мае он подал заявление и ушел из ин-та. Пытались его вернуть, но он отказался. Вот я и мучился весь сезон практики и !-й семестр с приглашенными людьми.

Запятили меня в оргкомитет съезда зоологов пединститутов, организуемый Мин. Просв. в январе-феврале 1962 года. Что я там буду делать - не знаю сам.

Мой план на лето еще очень проблематичен. Во-первых, декан и ботаники настаивают в этом году повезти студентов 2 курса на практику на Кавказ. Я хочу и не хочу – сам не могу решить. Сомнение в том, что и нам удастся показать студентам здесь больше. Второго зоолога у меня нет.

В сентябре я думаю съездить в глушь к бобрам Вайского района, где я был в 1956 году. Необходимо проверить мои данные. Мне хочется доказать:

1. Бобр не завозить в северные районы.
2. Нельзя надеяться на быстрое увеличение поголовья, если основным пищевым компонентом служит береза.
3. Численность молодых в помете зависит от набора основных кормов.
4. Бобры перед осенью подсачивают осины, чем прекращают отток питательных веществ в корневую систему после окончания вегетационного периода.
5. Бобр выпускать семьями, сложившимися в естественной обстановке.

Кроме того, я убежден, что пришла пора заняться комплексным изучением водоемов с целью введения их в хоз. эксплуатацию. К сожалению эту крайне интересную и эффективную работу не могу организовать из-за отсутствия комплекса специалистов: гидробиолога, альголога, паразитолога.»

(Конечно, Федор Дмитриевич совершенно прав, говоря, что было бы интересно осуществить комплексное изучение водоемов. Надо, однако, обратить внимание на цель, какую он при этом имел в виду: «введение их в хоз. эксплуатацию». Это очень характерно для тех времен. Партийное руководство страны провозгласило лозунг: "Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее - наша задача". Поэтому от науки требовалась прежде всего практическая направленность. Темы научных работ непременно должны были иметь «практическое значение». «Надо взять у природы», а каковы будут последствия этого «взятия» тогда не интересовались)

Кроме этих интересных сообщений Фека сообщил, что приобрел и для кафедры магнитофон для записи голосов птиц и спрашивал, каковы у меня возможности в этом деле.

Я ответил ему и кроме того, поинтересовался, в чем причина ухода из института Шаронова? Фека ответил мне письмом от 3.У.61, в котором подробно изложил всю историю с Шароновым.

А.Д. Шаронов знал Федора Дмитриевича еще в Горьком, когда тот был студентом ГГУ. Когда Федор Дмитриевич приехал в Тюмень и поступил на работу в ТГПИ Шаронов передал ему заведование кафедрой, сказав при этом, что он устал и хочет отдохнуть. Федор Дмитриевич учел это, определив Шаронову небольшую учебную нагрузку.

Первое время все шло хорошо. Но в 1958 году в ТГПИ сменился директор. Новый директор обратил внимание на то, что Шаронов систематически не выполняет числящиеся за ним планы научной работы и предъявил к Федору Дмитриевичу, как заведующему кафедрой, соответствующие претензии. Об этом Фека писал мне в 58

году: «Шаронов ничего не делает, а я отдувайся». Все же Федор Дмитриевич сначала защищал Шаронова, но, в конце концов, вынужден был сделать замечание Шаронову. Последний очень обиделся на это, восприняв замечание, как идущее не от дирекции, а непосредственно от Федора Дмитриевича и отношения между ними натянулись.

В 1959 году в ТГПИ работала комиссия Мин. Просвещения. И вот, неожиданно, на заседании комиссии, посвященном работе кафедры зоологии, Шаронов выступил с заявлением, в котором обвинил Федора Дмитриевича в симуляции, сказав, что тот прикинулся больным, поэтому ему – Шаронову – пришлось две недели работать за него, в то время как Федор Дмитриевич занимался рыбалкой.

Опровергнуть сразу документально это обвинение Федор Дмитриевич не смог, но возмущенные сотрудники кафедры выступил в его защиту. Но, позднее, уже на заседании МК (Месткома?) Федор Дмитриевич представил соответствующие документы. И тогда, на этом же заседании МК, декан обвинил Шаронова в клевете и в уклонении от выполнения плана научной работы.

И тогда, 15 мая 1960 Шаронов подал заявление об уходе с работы. Этим он поставил кафедру в очень трудное положение, ввиду приближающейся полевой практики. Федор Дмитриевич попытался уговорить Шаронова остаться, говоря, что он готов уступить не только заведование кафедрой, но и вообще может уйти из института (тогда у него была возможность перейти на работу в Новосибирск). Однако, Шаронов стоял на своем. Пытался уговорить его и директор. Но Шаронов, якобы (Федор Дмитриевич при их разговоре не присутствовал), поставил условием своего возвращения увольнение не только Федора Дмитриевича, но и нескольких членов кафедры и декана, на что директор не пошел.

Но на этом дело не кончилось. Оставшиеся в институте друзья Шаронова, написали письма в «Правду» и другие органы, в результате чего последовали проверки Федор Дмитриевич пишет:

«В этом году я пережил уже 2 комиссии, обследовавшие состояние работы на кафедре и факультете....Последняя комиссия работала у нас 2 недели. Всех издергали, но особых недостатков и у нас и на факультете,, которые требовали принятия особых мер, не обнаружили.

...Как видишь, дело сложное и я сам не могу понять, в чем тут корень. Как работник, в педагогическом процессе Шаронов А.Д. не вызывает сомнений. Он очень опытен, у него много знаний и большая эрудиция, вел много лет и педпрактику. До этого случая за все 24 года его работы в институте никаких подобных не было. А.Д. универсален. Вел курсы по зоологии позвоночных и беспозвоночных, дарвинизма (до меня), лабораторная работа и полевая практика. Лекции у него очень хорошо спланированы и интересны.

Мне представляется, что ранее А.Д. был окружен в институте ореолом славы, привык к этому, но, когда требования к научной работе усилились, а у него продукции не оказалось, то с потерей авторитета он не смог примириться. Виновным же он по-

считал меня.» (К этому можно добавить и оскорбленное самолюбие: как это ему, опытному педагогу, делает замечания его же бывший студент!).

... «Вот, Ванча, и все что я хочу тебе сообщить по этому поводу.... В общем, если бы не эта история, могло бы быть все хорошо. Но теперь дело зашло слишком далеко.

... Сам я чувствую себя паршиво. Если бы не последние события связанные с заповедным делом (он имел в виду недавнее закрытие ряда заповедников- И.О.) – уехал бы, а теперь все это гораздо сложнее. Да и жалко жену и дочку, хотя квартирные условия у нас в Тюмени тяжелые – нет никаких коммунальных удобств, а Валюша моя, хоть и бодрится,, но ведь ей уже перевалило за 60. Звали меня на Камчатку но опять там задумаешься и о своих возможностях.

Вот, таковы-то дела у меня, друже – не очень блестящие.

... Занятость моя большая. В этом году все занятия по зоологии позвоночных легли на меня. Затем будут госэкзамены, занятия на заочном, полевая практика с 3 группами (3 потока), то есть примерно так же, как и ты, буду занят до конца июля.

Привет семье, пиши, твой Ф. Шапошников»

Получив такое письмо, я сразу же написал Феке, что если ему так плохо в Тюмени, то я был бы рад видеть его на своей кафедре, тем более, что открывается такая возможность – освобождается место преподавателя. Ответ на мое письмо пришел моментально (письмо от 11 .У. 61).

«Дорогой Ванча!

Ты заставил меня сразу задуматься. Если бы мы могли приехать сразу в благоустроенную квартиру, то ты вместо письма получил бы мое заявление. Откровенно говоря, мне очень бы хотелось поработать с тобой. В некотором смысле мы дополнили бы друг друга, хоть общая моя эрудиция и похуже твоей. Манит меня и освобождение от кафедры, ибо я много лет мечтаю избавиться от административных обязанностей еще с заповедных времен. Но, дорогой, мы так намучились с квартирой в Тюмени, что опять в неизвестное мне ехать не хочется, а тут я стою на очереди и есть надежда в осени перебраться в новую с удобствами. Мне до смерти жалко мою Валюшу, которой из за неудобств квартирных становится тяжело. Больше у меня нет никаких препятствий.

Времени на раздумье тоже нет: я завтра выезжаю в Москву на совещание оргкомитета, коего членом меня запсотили, а с 22 мая у меня начинается полевая практика.

... У меня дочурка учится музыке, а как у вас с музыкальной школой? Не мог ты, чёрт возьми, раньше мне намекнуть об этом деле!

Относительно же имеющейся кандидатуры вполне с тобой согласен и могу добавить по опыту, что если к бесхребетным у женщин есть несомненный плюс – аккуратность - , то в отношении позвоночных дело обычно идет туго, особенно в экологии.

Так вот, Ванча, дело в хорошей крыше над головой. Нам уже надоела канитель с тасканием воды, помоев, дров, беготней «до витру» и прочие прелести полукультурной обстановки. Пиши или телеграфируй твое мнение.

Привет Ксении и потомству.

Твой Фек.»

К сожалению, я не мог ответить ничем положительным. Никаких квартир институт не предоставлял. Поэтому объявленный конкурс успеха нее имел, о чем я и написал Феке. Он ответил в августе (25.УШ.61).

«Видимо, намечавшаяся начальством твоим кандидатура не прошла и ты опять ищешь зоолога? В объявлении ни слова л квартире, а без оной трудно что-либо подыскать дельное.

Мы нынче в отпуск далеко никуда не ездили. Крутились под Тюменью. Рыбачили, собирали ягоды, грибы. С 23-го начал ходить с собакой. Умница, но не сумел я ее пока натаскать, очень мало специально езжу с ней, да и сомневаюсь в чувствительности, по крайней мере в сравнении с лайкой. Убил с ней в этом году всего 3-х теревов.

... Кафедральные дела мои не блестящи. А.Д. Шаронов через подставных лиц строит всяческие козни. В результате было несколько проверок кафедры и даже факультета. Все обошлось хорошо, но история продолжается.

... В связи с отсутствием квартиры моя новая сотрудница – Бородина, беспозвоночник – тоже удрала и теперь мне придется брать аспиранта, паразитолога рыбника, что, впрочем, для наших условий хорошо.

... Наши студенты на уборке и занятия на первом курсе будут, видимо либо с конца сентября, либо с октября.

(Это было очень характерно для тех времен: использовать студентов для уборки урожая! – И.О.).

В моем семействе благополучно, Дочь усиленно учится плавать кролем и музицирует на фортепьяно, которое из- за невозможности затащить его в мою квартиру продолжает стоять у соседей.

Вот и все мои новости.»

Я написал ему, спрашивая каково его самочувствие, имея в виду прежде всего кафедральные дела. Но незадолго перед этим произошло очередное сокращение сети заповедников, и оказалось, что Федор Дмитриевич принял это очень близко к сердцу. Вот что он написал мне в начале сентября

«Добрый день, Ванча!

Ты спрашиваешь о моем самочувствии. А я, откровенно говоря, думал о тех, кто работает сейчас в природе.

Один из этапов подобного мероприятия я уже пережил сам и не завидую судьбе тех, которым оно предстоит. Для некоторых это будет потеря интереса к жизни, некоторые сумеют перестроить себя. Хуже всего, на мой взгляд, то, что большие затруднения будут испытывать исполнители, а не их руководители, в т.ч. и Академия Наук, которая стыдливо прикрывает рукой определенное место когда приходится туго, и рьяно ратует «за», когда это ей выгодно. Я уж не говорю о работниках лавка, от которых в значительной мере зависела как структура, так и направление исследований. Поэтому-то эти горе-руководители сами себя стараются устранить и освобо-

даться от последствий и личной ответственности... Чего только стоит «захоронение» и последующее уничтожение рукописей то от «наводнения» на Неглинной, то от переездов на другие квартиры. Теперь и въявь нельзя доказать, что люди не были тунеядцами, а отдавали все, что могли, не считаясь со временем, здоровьем и устройством личного быта.

... Конечно, не этот фильм (об Алтайском заповеднике – И.О.) послужил основанием, а известный ряд «благожелателей» заповедного дела в целом, принципиально отрицающих народно-хозяйственное и научное значение этой системы.»

Как видим, Федор Дмитриевич полон горечи за состояние заповедного дела в СССР и особенно за судьбы лиц непосредственно работающих в заповедниках.

Далее он пишет о делах текущих.

« Мне пришлось быть на первом зональном совещании институтов Западной Сибири и Дальнего Востока в Новосибирске. Многие из биологов тоже сильно заинтересовались звукозаписями и киносъемкой живых объектов. Я лично не слышал записей и мог только заказать их через магазин. М.б. у тебя будет возможность скопировать на магнитофонную ленту пластинку или ленту Мальчевского?

Из некоторых новостей не лишено интереса переход части институтов на собственное расписание лабораторных занятий.. Я попробую это сделать во 11-м семестре...

... До сих пор не придумаю, что мне делать если к началу семестра не сумею найти беспозвоночника.

... Вот такова погода у нас на сегодняшний день. На душе конечно прескверно, думаю и у тебя тоже».

В следующем письме (16.1X.61) (вся первая половина посвящена квартирным и кадровым вопросам).

«У меня создалось впечатление, что твое начальство трудное. Очень жаль, что нет нормального жилья. Я лично обошелся бы, но не хочу, чтобы В.А. (жена Валентина Александровна – И.О.) на старости лет вела студенческий образ жизни.

А с квартирами и у нас полное безобразие. Нашему вновь назначенному доценту, несмотря на личное обещание секретаря Обкома КПСС, председателя Горсовета своевременно квартиру не предоставили и она улетела в Тирасполь... Хотя мне и жалко было терять работника., нов душе я вполне согласен. Обман, да еще таких ответственных лиц – дело весьма неблагоприятное.

Пришлось срочно искать и я нашел в ин-те очаговых заболеваний, который у нас есть, одну деву, окончившую Герценовский пединститут и аспирантуру, в филиале АН в Коми АССР. Она имеет страстное желание работать «педиком». По специальности паразитолог. Диссертация к нее (еще не защищенная) по паразитам рыб. Таким образом, я вышел из положения. Хочу поручить ей читать и лекционный курс по беспозвоночным.

... У меня созревает второй кризис – с физиологом. Он хочет переезжать к себе в Воронеж, где у него старики. Придется срочно искать замену.

... В этом году особенно сильно напирают на нас работать в школе. Не знаю, как и быть, я ведь совершенно не знаю это дело».

Как видим, кроме упоминавшихся ранее трудностей с личным трудоустройством на Федора Дмитриевича навалилось еще много трудно разрешимых дел как на заведующего кафедрой. От всех этих неприятностей он находит утешение в природе – рыбалке, охоте и фотографии.

«... Теперь об охоте. Ванча, я почему-то часто вспоминаю наш керженский поход.. Ты, Боря и я. Пытались Мы снимать из шалашей тетеревов. Борька ходил вокруг куста можжевельника «со звуком». Ты натер ногу и долго болел.» (Последствия этого заболевания – лимфаденита- напоминают о себе всю жизнь. - И.О.).

Можно вспомнить, что еще совсем недавно Фека сетовал, что у его собаки как будто слабое чутье. Но стоило удачно поохотиться и все переменялось

... «Ванча, милый, песик у меня – настоящий друг нашей семьи.... Теперь же (я с ним взял уже более 30 шт. тетеревов) он просто бесподобен. Я

поражаюсь его сообразительностью. ... он уже два раза приходил за мной показать убитых (вернее – подбитых) мною тетеревов., которые упали в непролазные заросли.

...В общем, когда я теперь хожу с дорогим ружьем (3 кольца Зауер) и бегающей впереди меня красавицей собакой, то невольно вспоминаю тургеневские времена.

А дома у нас вчера был «штурм крепости Измаил». Я и двое ребят затаскивали в нашу квартиру по немыслимой для этого лестнице пианино. Чертовски тяжелая штука, а ведь когда-то я спиной поднимал даже рояль.

Дочурка моя уже наигрывает этюдики, которые с удовольствием слушаю. Вспоминает свою прежнюю игру и Валя старшая. Иногда обе мои Вали «квакают» в 4 руки, а я, грешный, люблю музыку, хотя сам способен играть только «чижика».

С охотой нынче я почти забыл о рыбалке, мало собрал и грибов.

Из случаев на рыбалке один интересен. Я полюбил ловить щук на простую удочку с маленьким крючком, на который надеваю окунечка или чебачка. Щука его заглатывает. Я даю ей время проглотить его совсем, а затем подсекаю. – начинается интересная борьба. Удилище гнется, вот-вот лопнет, леска как струна.

Недавно щука, прежде, чем я ее вытащил, съела у меня с крючка 3-х окунишек. Все они оказались у нее в желудке. Увлекательная вещь!

Этим летом я мало снимал – как-то не было интересных объектов.

Ну, дорогой мой, пока всего хорошего! Передай привет Ксении, детишкам включая и внуков. Я, ведь, тебя «дедом» еще не видел.

Пиши. Твой Фек».

Между тем, у меня продолжало оставаться незамещенным место зоолога-позвоночника. Но переговоры с дирекцией в отношении перехода к нам Федора Дмитриевича были безрезультатными – сносной квартиры не было. Об этом я и сообщил Феке. Но он не очень расстроился, наоборот –его положение в Тюмени настолько укрепилось, что он предложил мне подумать о моем переходе в Тюмень (письмо от 27.1X.61).

«... нас посетил 1-й секретарь обкома и поинтересовался нашей учебной и научной работой. Одобрил наше направление, в частности мою работу с бобрами, и на-

метил работы по изучению паразитофауны рыб, которые будет проводить новый ассистент паразитолог.

Обещал нам улучшить условия с помещениями, как учебными, так и квартирами. Я уж теперь задумался и о том, что ежели все эти обещания реализуются и, как он говорил, будет форсировано окончание нового учебного корпуса, то, м.б., тебе следует подумать о возможности приехать к нам? Такая возможность будет, вероятно, с будущего года. В этом случае ты бы стал зав. кафедрой.»

Так легко поверил Федор Дмитриевич обещаниям «значительного лица», совсем забыв, что еще недавно лишился ценного работника именно потому, что тот же 1-й секретарь не выполнил таких же обещаний.

Далее, как всегда, речь об охоте.

«Последние дни отпуска отводил охоте за тетеревами с Ройкой. В общей сложности за эту осень Ройка мне поставил под выстрел более 50 тетеревов, из которых я взял 38 шт. Кроме этого из под стойки я взял с ним 3-х коростелей и 4-х рябчиков».

Из этих слов мы можем сделать заключение, во-первых, о высоких охотничьих качествах самого Феки и его собаки, а во-вторых, насколько богата дичью была Тюменская область 50 лет назад.

Заканчивается письмо так.

Вот, Ванча наши дела. Так жаль, что мы никак не встретимся. Было бы веселее жить. Пиши и передай привет от нас всех Ксене и детям.

Твой Ф. Шапошников».

Однако, радужное настроение у Федора Дмитриевича длилось недолго, реальная действительность скоро напомнила о себе. Вот что он писал 16.XI.61.

«Дорогой Ванча!

Как-то тебе удалось справиться с заполнением свободного места? А у меня опять открылась брешь, теперь

уже по физиологии человека и животных. Хороший человек ушел из-за квартиры и болезни жены. Правда, ушел он на лучшее место во всех отношениях и уехал в теплые края. Теперь ищу вновь, уже физиолога. Один вроде бы наклеывается из сельхозинститута, но, будучи очень хорошим человеком, как будто бы слишком часто заглядывает в рюмку.

В этом году я и моя кафедра переизбираемся по конкурсу и предстоит плановая проверка работы Минпросом. Все это конечно доставляет дополнительные хлопоты.

В октябре я совершил по договору с Облохотинспекцией детальное обследование речных бобров в Вагайском районе, с остолблением поселений, количественным учетом и хозяйственными рекомендациями по эксплуатации этой популяции. Должен тебе сказать, что все мои заключения по этой популяции, которые были сделаны в 1957 году, блестяще подтвердились, и мои противники оказались в неловком положении. Настолько трудно было провести эту работу, что из 4-х моих спутников, среди которых было 2 промышленника, егеря и мой препаратор, ни одного не осталось здоровым до конца работы. Я один выдержал сию путину. В день можно было проходить из-за сплошных завалов берегов или заболоченности 4-5 км!

Чёрт бы сам там не лазил.

Как только я возвратился пришлось сейчас же переезжать на другую квартиру. Тут мы сделали величайший промах. Соблазнились коммунальными удобствами и близким расположением к институту. Но, дураки, пошли в общую квартиру. Теперь чувствуем себя не дома, а в гостинице. Сократилась и наша площадь до 27 кв. м. Теперь занимаемся вопросом, как разместить в двух небольших комнатах наше большое барахло. Машина тоже осталась на бобах. Стоит пока в старом гараже, а в новом месте строить не разрешают. Выиграл из этой истории только Ройка. Вблизи есть садик, где он может побегать влать.

Вот, пока, все наши новости, даже не знаю, хорошие или плохие.

Пиши. Большой привет Ксении и всей семье от мала до велика.

Твой Фек».

Как видим, неприятностей было много и даже получение новой квартиры с коммунальными удобствами оказалось вовсе не столь ожидаемым благом, поскольку эти самые «удобства» пришлось делить с другими жильцами.

В ответ я написал ему, что и сам нахожусь в таком же положении.

Кроме того, спросил у него, в какой мере он отклоняется в своих лекциях от официального учебника, слишком перегруженного анатомией. На это он ответил мне весьма подробно – письмо от 30.1.62.

«Мне думается, что избыток анатомических сведений дается из-за недостаточной освоенности курса в профессиональном направлении. М. Б. этим страдаю и я. Но я хитрю. Я даю не столько сравнительно-анатомический обзор, сколько сравнительно морфолого-физиолого-экологический. Детали строения я отношу, по возможности, на самостоятельную и лабораторную проработку.

В лекциях я пытаюсь разрешить или поставить перед студентами такие вопросы.

Почему, например, органы зрения и слуха у земноводных обитателей не эволюционируют дальше? С чем связано появление двух потоков крови в сердце и дальнейшее его усложнение, приводящее к образованию

Перегородки? Почему именно выигрышным в процессе естественного отбора стал лёгочный тип дыхания. А не усвоение атмосферного кислорода иными добавочными органами дыхания?

Конечно, все это на конкретных примерах и в связи с формирующими условиями существования.

Иногда я, м.б. преждевременно, акцентирую не на гидростатической роли плавающего пузыря, а на его роли в регуляции содержания газов в крови в нерастворимом состоянии. Т.е., другими словами, его роли, как органа, предотвращающего образование газовых пузырей в кровяном русле при изменениях давления и температуры, особенно первого, от чего зависит растворимость газов в водной среде обитания.

В вопросе о размножении ставлю и пытаюсь разрешить вопрос почему в ходе эволюции уменьшается плодовитость и как это связано с выживаемостью, за счет чего повышается выживаемость? Как с этой точки зрения оценивать внутреннее оплодо-

творение живородящих, «заботу» о потомстве и т.д.? Почему при уменьшении числа яйцеклеток число сперматозоидов остается астрономическим?

Я привел тебе ряд примеров, но, где возможно, стараюсь заставить студентов задуматься над связями в строении и функции, о зависимости формирования организма и его систем от условий окружающей среды и закрепления признаков естественным отбором. Конечно, даю все это на конкретных примерах в конкретной обстановке.

Я глубоко убежден, что примат в завоевании суши позвоночными должен быть отнесен к появлению зародышевых оболочек, дающих возможность размножения вне водной среды. Все остальное, грубо говоря – «дело наживное». Легочное дыхание и конечности наземного типа имелись уже и у предшественников «завоевателей суши», но это к окончательному результату не привело, т.к. все это были предпосылки. Экоадаптация оказалась решающей.

М.б. назовешь меня дилетантом и будешь вероятно прав. Мне очень хотелось бы послушать тебя или даже посмотреть твой тематический рабочий план с разбивкой на часы.

Ну, прости за болтовню.

... А киносъемка тебя еще не захватила? Я бы не прочь попробовать, да времени в обрез.

Привет Ксении и сочувствие по общей кухне. Ежели наш ректорат и Горсовет не выполняют своего обещания об отдельной квартире, то после окончания года мы покинем Тюмень.

Ну, будь здоров, пиши.

Твой Фек»

В начале февраля 62 года в Москве состоялось совещание зоологов пединститутов, на котором мы оба присутствовали. К сожалению, встреча наша оказалась очень кратковременной, так как Федор Дмитриевич был занят в оргкомитете, а вечера после заседаний, проводил у отца.

В Москве он был очень бодр и энергичен и довольно оптимистически смотрел на будущее. Но не успел он вернуться в Тюмень, как на него снова обрушились различные невзгоды, о чем он и написал мне 20.П.62.

«Дорогой Ванча, я чувствую себя перед тобой виноватым,, мало мы с тобой поговорили, а в следующие дни я тебя не видел.

Как только прибыл с совещания застал комиссию ЦК и Мин. проса, которая нагрянула проверять меня и работу кафедры по жалобе друзей А.Д. Шаронова.

А через три дня получил известие о смерти отца. Я его видел еще 4-го, а 7-го ночью он умер. При встрече был бодр и необычайно весел. Это было неожиданностью.

Все эти события повергли меня в очень тяжелое моральное состояние. 10 дней я не спал и почти не ел. Только помощь жены, её дружеская рука меня поддержала. Я было собрался все бросить и уйти, куда и сам не знаю.

Лекции и науку оценили хорошо, нашли кучу недостатков в работе на кафедре. Конфликт внешне разрешили мы еще до комиссии, а теперь только оформили и А.Д. снова у меня на кафедре. Ничего он не понял из этой истории и думаю, что по-

прежнему мне с ним трудно будет работать. Настроение у меня поганое, больше из-за характера гнусного – слишком беспокойного, тревожного. Организаторская работа у меня всегда проходила худо, а сие необходимо, вот и страдаю не столько за себя, сколько за других.

Купил вторую пластинку с голосами птиц: глухарем и тетеревами. Говорят, была еще с подвывкой и воем волков, но уже не застал.

Побывал у А.Н. (Формозова – И.О.) на новой его квартире. Молодец он, что теперь так устроился. Деловых разговоров почти не вел, так-о всем понемножку.

Как у тебя идут твои кафедральные и научные дела?

... Нет ли у тебя на примете физиолога дипломированного, который бы пожелал у нас работать в Тюмени? Теперь у нас есть помещение для вивария и рабочий по виварию, а физиолога нет. Выезжаю пока на почасовике, а это плохо.

Ну, будь здоров, буду ждать от тебя письма. Привет от всех нас Ксении и всем чадам.

Твой Фек».

Видимо, все эти свалившиеся на него трудности и невзгоды работы и быта сильно повлияли на него, так что лишь через год я получил от него коротенькое письмо. В нем, упомянув о том, что на него свалилась очередная проверка работы – «в 8-й раз за 2 года (!) – теперь уже по проверке реализации решений XXII съезда», он написал, что заинтересовался «... очень интересной, но пока фантастической затеей по изучению природной очаговости зоонозных заболеваний. Тянет меня самому заняться этим вопросом и боюсь – надо осваивать много нового, надо уходить их института.

...Завидую твоей многосторонности – ты и дарвинист, и зоолог и беспозвоночных и позвоночных, паразитолог.

Увлёкся я мыслью о возможности полевых работ в филиале Омского н.-и. ин-та очаговых инфекций. Зовут меня туда в зоологическую группу. Надо решать, а духу, как говорится, у меня не хватает.

Ты бы прислал мне свои оттиски по амбарным клещам и по слепням. Твой Фек».

Оттиски я ему послал, хотя и не думал что он смогут ему пригодиться - слишком далеко было это все от его прежней деятельности. Однако, оказалось, он действительно настолько увлекся этим, что попытался даже уйти из пединститута, Об этом я узнал из его следующего письма (от 2.1.64).

«Если я психую, то обычно никому не пишу и никуда не езжу

Хотел сбежать из Тюмени – не вышло. Хотел удрать из пединститута в медицинский исследовательский – прошел там по конкурсу, но местные власти категорически запретили».

Таким образом, попытка резко изменить опостылевшие ему образ жизни и работы не удалась, что, видимо, он пережил с трудом. Однако, в конце концов его энергичная натура взяла верх и он постарался максимально использовать имевшиеся в его распоряжении возможности.

«Что я делаю? Сижу в Тюмени. С успехом читаю лекции, подвергаюсь, как и другие бесчисленным ревизиям.

Начал готовить из своих снимков выставку на тему «Охота с фотоаппаратом». Размер 24x30, под стеклом. Получается настолько хорошо, что мне страшно хочется показать ее своим друзьям. В общей сложности у меня будет штук 60 отборных. Сейчас у меня готовы 25 снимков зверей (соболь, горноста́й, маралы, горные козлы и бараны, верблюды, буйволы, барс, пятнистая кошка, медведи, пищуха красная, ёж ушастый, лисица, сурок).»

Далее, он переходит к семейным делам.

Моя семья живет тоже нормально. Валя маленькая учится в 9-м классе с уклоном сетевязальщицы. Не придумаем, что дальше с ней делать. Пожалуй посоветуем на медицинский (зубоврач. или стоматологический). Биолога из нее не выйдет – брезглива, боится насекомых до ужаса.

А вот с Зорькой (его брат Георгий. – И.О.) дела плохи. У него парализованы ноги, страшные боли уже год, живет только на наркотиках. Лежит в московском военном госпитале, у сына Юльки. Юлька женился на дочери Вишневого, перед этим защитил диссертацию и теперь живет в Москве.

Лелька (сестра Феки Ольга – И.О.) через 4 месяца должна уйти на пенсию. По-прежнему сумбурна и оторвалась от нас. Живет сейчас у дочери Ирины под Ленинградом.»

Как видим, все семейные дела далеко не радостны. А на работе появились новые неприятности.

«К несчастью, в этом году меня избрали председателем местного комитета (Профком – И.О.) и я верчусь, как белка в колесе. Забросил науку и все свои дела запустил.

Нынче почти никуда не ездил, Охота прошла комом, рыбалка тоже.

... Все же я осенью прошлого (уже прошлого!) года проехался с учетом речных бобров по речке, где их выпускали по моей рекомендации. Состояние популяции и численность в очень хорошем состоянии, гораздо лучше, чем в более северных таежных районах.

Из интересного + отметил, что, все же бобры, как правило, перед валкой крупных осин «заподсачивают» их (диаметром крупнее 20 см – 80%)

В одном месте нашел выходы серых глин с многочисленными остатками мамонта, носорога, бизона и м.б. еще кого-то.

Проектирую, но едва ли осуществлю в этом году, изготовление сборных домиков (из фанерных щитов); 2 – на 24 места (общежит. и лаборат.) и 1 – на 2 места для преподавателей. Нужно всего 250 листов фанеры, а ее-то и трудно достать.

Эти домики будут перевозиться на 3-х грузовых машинах в виде щитов и собираться студентами в любом выбранном для практики месте за 1-2 дня. Срок службы будет зависеть от окраски щитов, примерно 4-5 лет. Щиты все взаимозаменяемые.

Если это дело удастся (директорат меня поддерживает), то вопрос полевой практики в значительной мере будет решен.»

Как видим, несмотря на все неприятности, дело есть дело и забывать о нем нельзя.

«Ванча, вероятно тебе будет небезынтересны некоторые вопросы, какие я пытаюсь объяснить В отношении птиц – отсутствие у них мочевого пузыря и экскрецию мочевой к-ты, а не мочевины (как и у некот. рептилий) я объясняю особенностью водного обмена,, а именно – повышенной потерей влаги у птиц при полете в связи с двойным дыханием, а у рептилий (змей) в связи с формированием их в сухом климате с ксероформной растительностью.

На съезде зоологов Сибири меня ругали заочно, что я оторвался от науки и не ушел из пединститута. Сам я на съезд не имел возможности поехать, да и доклад поленился написать.

По словам приятелей особо интересного там не было, Доклады Фолитарека и Иоганзена были очень расплывчаты, гипотетичны.

...Вот, дорогой друже, все мои новости

Получил письмо из Аксу-Джабаглы (заповедник). Там остался только один (!) научный сотрудник.

В Ленинграде заинтересовались моими снимками наскальных рисунков в Казахстане.

Пиши, отвечать буду.

Большой привет Ксении. Желаю здоровья и успехов в Новом году.

Фек».

Однако, несмотря на обещание отвечать, следующее письмо от него я получил только через год.

2 января 1965 года он написал мне.

«Дорогой Ванча!

Большое спасибо за поздравление и открытку. Прими от нас, всей семьи, самые лучшие пожелания в новом году.

Ксене передай, что и у меня есть большое желание повидать ее.. Ведь я представляю ее такой, какой видел давно - давно, на берегу озера среди соснового бора у тубсанаторя» (Это было в 1936 году. –И.О.)

«Моя В.А. стала чаще прихварывать, хотя и держится молодцом. Валя «маленькая» заканчивает в этом году школу и метит попасть в медицинский институт, но удастся это ей или нет – трудно сказать, ибо учится она средне. За это полугодие схватила две тройки по алгебре и геометрии.

Ройка под опекой В.А. располнел и выглядит больше домашним псом, а не охотничье собакой. Имеет 5 малых золотых медалей и на этом успокоился.

В природе бываю очень редко, а в последние два месяца не вылезал. Транспорт законсервирован, а попутного нет. Продолжаю увлекаться по мере возможностей киносъемкой и мечтаю приобрести «Ладу». Школьники приходят в телячий восторг от моих птиц и зверюшек в фильме, и это заставляет думать, что время уходит на съемку не зря.

В этом году задумали втроем заняться изучением гельминтов водяной крысы и ондатры в зональном аспекте.

Я до сих пор не пойму – почему ты бросил паразитологию? Это и меня заставляет настороженно относиться к гельминтам. Черкни, что ты думаешь по этому поводу?» (На это я ему ответил, что, во-первых, обычно зоологи, заинтересовавшиеся паразитами, но не обладающие навыками паразитологических обследований обычно обращают внимание лишь на крупных, хорошо заметных паразитов, и чаще всего это будут круглые черви типа аскарид - как раз мало патогенные и не оказывающие поэтому существенного влияния на численность популяции своих хозяев. А во-вторых, что наиболее патогенными и массовыми и тем самым оказывающими большое влияние на численность популяции хозяев являются не гельминты, а простейшие – кровепаразиты и кокцидии. А их обнаружение и обработка требуют уже особой специальной подготовки. Поэтому намерение Феки заняться гельминтами, если не окунуться в это полностью, вряд ли принесет ожидаемые результаты. –И.О.)

«В отношении чтения курса зоологии я стал придерживаться несколько иного расположения материала. Даю вначале предпосылки появления новой жизненной формы рассматривая реализацию этих предпосылок в новых условиях, становление новой жизненной формы (класса) и потом уже даю естественно слагающуюся характеристику современных представителей, видовое и экологическое разнообразие и т.д.

В анализе среды обитания, в частности водной,, почему-то очень мало уделяется такому важному явлению,, как гравитация. Если учесть, что эволюция большинства водных организмов происходит в условиях относительной независимости, то, ведь, становится ясно и влияние форсы и появление обособленного в теле водных животных органа, восполняющего проявление тяготения, в виде вестибулярной части внутреннего уха со статолитом,, образование инертной системы в виде 3-х полукружных каналов и т.д. и т.п. Также интересно проследить проявления гравитации и связанные с этим адаптированные особенности у воздушно-наземных форм. Образование шейного отдела, трехлучевая схема строения поясов конечностей и т.д. Конечно, все это с учетом сопряженного действия и других элементов.

К нашему общему счастью приходят наконец в б.м. правильному решению относительно биологии в целом. Плохо то, что перелом сделали не биологи, а физики и математики, что, впрочем,

легко объяснить их большим авторитетом. Боюсь только, чтобы опять палку не перегнули и не свели биологию к одной теории наследственности и изменчивости.

Пиши, чем занимаешься. Твое долгое молчание навело уже на мысль: не готовишь ли ты себя в доктора? Я давно оставил эту мысль. Поздно, как говорится,»после драки кулаками махать»..

Ну, будь здоров. Передай
большой привет Ксене.

Твой Ф.Ш.

P.S. У нас в связи с газонефтеносностью горячка в освоении таежных и тундровых территорий. Это начинает сказываться и на живности, особенно той, которая связана с водой.

В этом году очень мало зимующих мелких воробьиных, очень мало было уток. В большинстве районов очень мало зайца, белки. Охотсоюз собирается выпустить у нас на юге области зайца-русака.

Население Тюмени и области растет быстро. Открыли индустриальный институт с расчетом на 10 тысяч студентов, работают медицинский, сельскохозяйственный, наш – педагогический, институт очаговых инфекций, Сибирское отделение ВНИОР-Ха. Прибавляется людей науки и от науки.

Пиши о себе и семье, как живешь и работаешь».

С этого времени переписка наша становится более редкой. Причиной этому, вероятно послужило то, что прекратились постоянные невзгоды и напасти, то и дело сваливавшиеся на его голову и не возникало уже у него желания поделится с кем-то этими бедами, излить душу, получить дружеский совет. Служебное положение его упрочилось. А писать что называется «просто так» Фека не любил.

В 1966 году я задумал переиздать свой «Краткий определитель позвоночных», в связи с чем обратился к Феке с просьбой высказать свои замечания. В ответном письме от 21.1У.66 Фека привел большой список позвоночных животных, которых, по его мнению, надо включить в «Определитель», с тем, чтобы он стал пригоден для пользования и в Западной Сибири.

Я также спрашивал его, не собирается ли он летом съездить куда-нибудь в «глушь» на Север, и если – да, то не смог ли бы принять участие в такой поездке мой Лёша? Фека на это ответил (а том же письме от 21.1У.66).

«Дорогой Ванча, моя поездка в «глушь» зависит от возможностей и организаций в связи с рядом учреждений. Мне надо побывать в тундре, но это будет не ранее августа-сентября. Там я буду собирать гельминтов ондатры и водяной крысы. Как это осуществится еще сам не знаю. Очень рад бы взять и Лёшу, но как и что будет точно не смогу сейчас ответить. Выяснится – напишу.

Полевую практику буду нынче проводить на одной из речек, в палатках (8 –местных). Боюсь – зажрут комары.

... Большой привет Ксении и потомству. Твой Фек».

Весной 1968 года к нам в институт поступил запрос из Тюменского пединститута: в связи с представлением Федора Дмитриевича Шапошникова к званию профессора дать отзыв о нем и его научной деятельности.

Отзыв я послал и одновременно написал Феке, спрашивая его, что это значит и почему он ничего не сообщил мне об этом? Он ответил мне 7.1Х.68.

«Дорогой Ванча!

Всю эту кутерьму с профессорством затеяли наш деканат и ректорат. Мне это не нужно. Очень неприятно, что, вероятно, многим своим друзьям и знакомым я доставил лишние хлопоты.

Это лето прошло у меня неудачно. Во время полевых практик была отвратительная погода. Холодно, дожди, грязь невылазная. Мои попытки взять на кино кое-что из жизни животных на пленку 16 мм аппаратом «Киев» окончились неудачно.

Я сконструировал приспособление к «Киеву», позволяющее снимать любым объективом: «Телемаром – 200», «Таиром» и «МТО-500». Это очень расширило возможности съемки, тем более, что наводка получалась непосредственно через объектив. Но дело в том, что кассеты к "Киеву" (эта модель была сдута с амер. аппарата для съемки через пропеллер бомбардировщика) не рассчитаны на нашу пленку. Эта пленка легко ломается в петлях изгибов кассеты. Поэтому при съемке вдруг неожиданно она ломается. А ведь подготовка к съемкам интересных объектов и само выполнение очень сложны.

Вторая неудача была у меня с записью «речи» животных. Я приобрел себе по рекомендации друзей (к сожалению оказавшихся некомпетентными) магнитофон «Комету 206». Эта штука оказалась дрянью и имеет массу неполадок. После моей рекламации Новосибирский завод перевел мне ее стоимость и рекомендовал «Романтик», который я и приобрел, но время уже ушло.

Перед сезоном охоты задумал подремонтировать своего «Москвича». Он служил мне верой и правдой 11 лет. Я даже ни разу не залезал в мотор. Эта затея вылилась в то, что половину августа и вот до сих пор я еще не окончил ремонт

Понятно, что и охотничий сезон сорвался. Собирался я летом с дочерью на Байкал. Но погода там стояла отвратительная и я не поехал.

Затем собрался на Алтай, но приехавшие с Телецкого озера приятели меня отговорили. Ибо все там так изгажено, что будет одно расстройство.

Вот я и махнул рукой на свои увлечения и отправил жену и дочь в Одессу к каким-то дальним родственникам жены. Там они и пробыли почти месяц...

Я же был дома с Ройкой. В институте принимал экзамены вступительные по общей биологии. А затем больше двух недель был «под машиной».

Первый раз пришлось пожаловаться на сердце. Вдруг почувствовал резкую боль, да так здорово, что струхнул порядком, и.к. был один со своим песиком. Медики, к счастью, ничего особенного не обнаружили.

Для души все же несколько раз был на рыбалке. Увлёкся ловлей окуней и плотвы (чебака) на зимние мормышки с червями. В начале августа кормил своим уловом половину дома – приносил по 15-20 кг окуней и чебаков.

С наукой у меня туго. В прошлом году осенью ондатра во многих районах (нужных мне) почти нацело вымерла от заболевания близкого к Омской лихорадке. По правде сказать, я что-то охладел к этому делу. Насчет аспирантуры, вероятно, тут что-то не так. Я подготовил несколько студентов в аспирантуру, некоторые из них уже закончили, а одного я намечаю себе в заместители. Он должен приехать в этом году уже защитившись, а в 70-м я, наверно, уйду на пенсию, если с дочкой будет все хорошо и не потребуются больше получать монет.

Вот какие у меня делишки. Не очень-то блестящие.

Ты и Ксения здорово обросли семьей. Это хорошо. Ксите передай мой большой сердечный привет. Я, ведь, на Алтае тоже занимался пчёлами. Интересное дело.

Относительно юбилея 70-летнего Александра Николаевича (Формозова. – И.О.) ты правильно пишешь. Надо что-то сообразить, но что? М.б. у тебя уже есть какие проекты?

Ну, будьте все здоровы.

Твой Фек».

Как видим, действительно, прошедшее лето, это – сплошные неудачи во всех делах. Но особенно тревожен «сердечный сигнал». И хотя медики и не нашли в нем ничего особенного,, но, видимо, к нему следовало серьезно прислушаться и сделать соответствующие выводы при планировании работы и жизни.

Весной 1969 года я написал Феке письмо с просьбой, не сможет ли он собрать мне тамошних саранчовых? Он ответил, что постарается это сделать, хотя сборы вряд ли будут успешными, так как полевая практика кончается в июне. К тому же этот год вообще очень неблагоприятен. Вот что он написал мне 29.у.69

«Я постараюсь организовать сборы саранчовых. Этот год пока крайне неблагоприятен. Весна запоздала у нас в Тюменской области минимум на 30 дней. До сих пор еще не распустился лист на березах осинах и др. деревьях и кустарниках. Лес стоит мертвый. Из цветов только прострел, медуница и калужница.... В лесу под кучами хвороста (зимней рубки) еще снег. Во время моего выезда на полевую практику 20 – 28.У. ночью были неоднократно заморозки. Т-ра днем 9-10, а к ночи 8.

...На практике мы живем в палатках и было так холодно и сыро, что я опять зарадикулитил и еле-еле приехал обратно на машине Садился в нее около часа. Попробую полечиться ваннами На практике я буду еще сам с 10.У! по 28.У!...»

В своем письме я сообщал также, что моя Ксения перебралась на постоянное жительство в деревню – в Каменку где прошло ее детство. В ответ Фека пишет: «Что это Ксения задумала про Каменку? Потянуло в родные места? Там, вероятно, еще хорошо сохранилась природа. Но к старости, а она у нас наступает, жить в селе не так просто. Прежде всего, бывает необходимость в медицинском обслуживании, которое там едва ли на высоте.

... Мы живем хорошо, если не считать, что у меня радикулит, а у жены болят суставы ступней.

Дочурка увлекается медициной и учится отлично. Мы довольны, хотя, конечно, много есть современных замашек. К счастью, не красится и особо не модничает, но старается быть «страшно независимой» и не терпит критики.

Я уже подумываю: не уйти ли мне на пенсию? С одной стороны будет туговато, но не хочется быть свободным тогда, когда эта свобода будет уже невозможна – будешь только «жуков ловить сачком». А дочка есть дочка – выйдет замуж и уедет, да если и не выйдет к окончанию, то все равно уедет по распределению.

Заниматься полевыми исследованиями серьезно я уже едва ли смогу из-за этого проклятого радикулита, хотя по-прежнему хожу без усталости в перерывах между приступами.

Ну, вот, пока все. Большой привет Ксении.

Твой Фек»

Как видим, здоровье его сильно пошатнулось.

В 1969 году ему (как мне) исполнилось 60 лет. В Тюменском пединституте решили официально отметить эту дату. Было принято решение провести 22 декабря расширенное заседание Ученого совета института целиком посвященное чествованию Федора Дмитриевича « в связи с его 60-летием со дня рождения и 40-летием научно , педагогической и общественной деятельности». Были разосланы соответствующие извещения. Получив таковое, я посла официальное поздравление в адрес института и письмо Феке. Он ответил мне 2.1.70.

«Дорогой мой Ванча,

Спасибо, друг, за теплое поздравление. Наш уже возраст такой, что тянет к своим дорогим друзьям. А ведь я оказался свиньей, да еще какой! Почему-то был уверен, что ты меня младше. Извини, мой друг, но я не послал тебе поздравления.

Не послал и А.А. Насимовичу, а у него все это было на месяц раньше, я и не знал.

Живу в какой-то внутренней тревоге. Все делаю как-то механически. Казалось бы, объективных причин нет.

Сне устроили этот «бум» против желая, мотивируя «воспитательным значением для студентов». А студентам я отказать не мог. Меня они сильно любят и фактически дважды это дело отметили: в настоящий день рождения на зоологическом кружке, где я им делал доклад, и на официальном Совете ин –тп. Они, черти, выпустили такую «шаржевую» газету,, что я хохотал до упаду. А бывшие мои ученики – теперь «сами с усами»- собрались у меня дома. Все это, конечно, было очень приятно.

А.А. Насимович и А.Н. Формозов и многие другие подписались под очень тёплым приветствием.

Но все эти события в целом очень неприятно подействовали – возникло чувство старости.

... Со здоровьем как будто бы стало лучше. Лечился о радикулита спиртом «Лори». А от больничного лечения получил один парализованный палец на ноге, Видимо, ткнули иглой шприца не в то место, куда нужно.

Валька моя сильно невестится, а это самое тревожное для родных время. Но пока учится хорошо и далеко не дура. Если она все же станет хирургом, то, наверное, очень хорошим, у нее «Золотые руки».

Приехал бы ты к нам? Правда, прелестей природы бывшей не обещаю. Катастрофически все беднеет. Но все же кое-что может быть интересным.

... Поздравь от меня (и поцелуй) в счет уже наступившего нового года Ксению.

Ну, будь здоров.

Твой Фек»

Из этого письма ясно видно, что, несмотря на утверждение Феки, что «со здоровьем стало лучше» на самом деле это далеко не так. И даже приятные переживания связанные с празднованием 60-летия в конце концов отозвались упадком душевных сил: «...все делаю механически... возникло чувство старости»..

Все же он продолжал работать еще два года и лишь с 1 сентября 1972 года ушел на пенсию.

Узнав об этом, я написал ему, спрашивая, как он чувствует себя в новом положении, не скучно ли без работы?

В ответ он написал мне (письмо к сожалению не сохранилось), что, наоборот, он полностью воспрянул духом, так как теперь может свободно, без всяких оглядок, планировать свое время и заниматься только тем, чем хочется: - рыбалкой, кино-съемкой животных и вообще общаться с природой сколько душе угодно.

Так он и пытался жить дальше. Но увы! - теперь место казенных обязанностей заняли собственные болезни. Они одолевали все больше; весной 1973 года обнаружился еще рак кишечника. Пришлось лечь в больницу. Там его прооперировали, но выйти из больницы ему было не суждено. Вот как описала это его вдова, Валентина Александровна (16.XII.78)

«...У Ф.Д. был рак прямой кишки, но умер он не от рака, а от сердечной слабости в результате 3-х операций в течение месяца.

Дома не болел. Как почувствовал неладное пошел в спецполиклинику, но получил направление в онкологическую больницу, а через два месяца его не стало – 2-го мая. ...Во время пребывания в больнице Ф.Д. был бодр и даже весел, брился ежедневно до последнего дня, читал.

За два дня до кончины ходили с ним в лес, который напротив больницы через тракт, слушали птиц, и накануне, т.е. 1 мая, опять пошли, но в воротах больницы он почувствовал боль в животе и сказал: «Придется вернуться».

... Дни праздничные, кое-кто поразъехался. Похоронили не очень хорошо – далеко и где нельзя ставить ограды. Месяца через три, когда я это поняла, схлопотала другое место, перехоронили, поставили ограду, а несколько позднее и памятник мраморный.

...Все 5 лет почти ежедневно ездила на кладбище. Оно в основном лесу. бурундуки, белки и птицы привыкли ко мне, приходили на камни, птицы на руки,, плечи, голове – я их кормила.

... Глубоко уважала я Федора Дмитриевича, гордилась им и крепко любила. Тридцать лет мы прожили душа в душу».

Валентина Александровна уехала из Тюмени (вопреки своему желанию) в 1979 году, в Ленинград. Оттуда она почти ежегодно ездила в Тюмень на 2-3 недели – посещала кладбище и приводила в порядок могилу Федора Дмитриевича. Когда уже не смогла ездить, договорилась с кем-то из знакомых о том чтобы следили за могилой.

Умерла в 1995 году.